

МАРИНА
ЛАЗАРЕВА

Волжский
роман

Золотой Трон

Марина Лазарева

Золотой Трон

Серия «Волжский роман»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44512519

Золотой Трон: роман / Марина Лазарева: Вече; Москва; 2019

ISBN 978-5-4484-7964-9

Аннотация

Исторический роман Марины Лазаревой рассказывает о событиях времён Золотой Орды – периода, когда это некогда могущественное государство начало дряхлеть, раздираемое на части междоусобицами. Но по-прежнему многое зависело от событий, происходивших в низовьях полноводного Итиля, постепенно превращавшегося в великую русскую реку Волга...

В книге показаны борьба за власть на Руси и в Золотой Орде, взаимоотношения русских князей и татарских ханов, дерзкие походы ушкунников, Куликовская битва, правление Тохтамыша, сожжение Тимуром города Хаджи-Тархан (нынешняя Астрахань). Среди героев романа как вымышленные персонажи, так и реальные представители эпохи.

Содержание

Глава I	8
1	8
2	10
3	14
4	19
5	30
Глава II	35
1	35
2	41
Глава III	46
1	46
2	50
3	55
4	58
5	66
Глава IV	69
1	69
2	75
3	78
Глава V	82
1	82
2	85
3	88

4	92
5	95
Глава VI	99
1	99
2	102
3	106
Глава VII	111
1	111
2	115
3	119
4	125
5	131
6	137
Глава VIII	139
1	139
2	146
3	149
Глава IX	154
1	154
2	157
3	163
Глава X	166
1	166
2	170
3	175
Глава XI	181

1	181
2	184
3	190
4	195
Конец ознакомительного фрагмента.	197

Марина Лазарева

Золотой Трон

© Лазарева М., 2019

© ООО «Издательство „Вече“», 2019

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия,
2019

...Издrevле, от высот сказано: «Если хочешь стать новым человеком, вздохни о Неречённом. Во вздохе едином перенесись в края беспредельности» ...Во вздохе едином о Неречённом обновляется сознание. И там, где казался недостижимый, непроходимый утес, там неожиданно открываются зовущие дали. Но все это должно быть добровольно. В этом понятии заключен закон величайший... Какой же светлый вздох о Неречённом может производить необъяснимое относительно формулами? Какой же перенос сознания в Неречённое сможет обратить материю в дух или, вернее сказать, одну степень состояния в другую. Где-то уже кончится воля, где-то погаснет желание, где-то не найдет слова приказ, и там обновит все единый вздох о Неречённом... Читаются книжные слова о самом великом. Прекрасны эти слова, но там, где Слово, там самые лучшие слова требуют еще чего-то, еще большего – Неречённого...

Н.К. Рерих

Глава I

1

Маленькая убогая деревушка, затерянная где-то на небольшом каменистом плоскогорье Тибета, с давних пор прижилась в этих поднебесных высях. Десятка два лачуг, сложенных из грубого неотесанного камня, жались друг к другу, роднясь общими стенами. Встречая на своем пути горную грядку, сюда не заглядывали пронизывающие холодные ветры. Воздух в этих местах был не так тяжел, как в низинах, где обитали олени, панды и вездесущие обезьяны, и не так редок, как на больших высотах, где встреча с козерогом, медведем и снежным барсом не предвещала ничего хорошего. Здесь, на травяных равнинах, паслись дикие яки, газели, свивали гнезда черношеие журавли, влачили обывательскую жизнь сурки.

И люди приспособились жить на этой земле. Давным-давно пришли сюда предки их предков, да и остались навсегда. Когда это было, теперь даже старики не помнили. Лишь ремесла, которым научили их пращуров, остались с ними. Из ячьих шкур делали люди одежду, возделывали скудную землю, возвращали на ней семена и верили в старинное сказание, что в те давние времена, когда океан Тетис уступил ме-

сто земле, сюда по серебряной нити спустился с Небес первый царь Тибета – прародитель пёба ¹.

Все в деревушке знали друг друга. Жили дружно. А как же иначе?! Коли беда, то одна на всех. И поплачут вместе, и успокоят, и помогут. А уж веселье случится, то словно небо над головой – безбрежное, чистое.

Совсем недавно отзвенел в деревне Шотон ². Не один день лились над деревней в вольном воздухе любимые мелодии, и ноги отплясывали без устали задористые танцы предков. Долго будут помнить сельчане, как всей деревней ходили к отшельнику, как ставили кислое молоко перед входом в его пещеру, как сдабривали подношение песнями да танцами. Отзвенел праздник, и вновь погрузилась деревня в думы о завтрашнем дне. Так и жили они изо дня в день, из года в год, из века в век.

¹ Пёба – самоназвание тибетцев.

² Шотон – праздник песни. Один из самых любимых в Тибете. Впервые отмечался в VII веке. Празднуют в первую неделю 7-го лунного месяца.

Каждую ночь, вот уже много ночей подряд, ему снился один и тот же сон. То была неведомая земля, совсем непохожая на землю его предков, на которой ему довелось родиться несколько лет назад и на которой он сейчас жил. На той призрачной земле его снов не было ни привычных для него гор с заснеженными вершинами, ни озер в каменистых ущельях скал, ни рождающихся над горами смертоносных ветров, каждый год уносящих жизни его соплеменников. Каждый раз она, та земля, представляла взору бескрайней степной равниной, где далеко-далеко земля и небо, подводя черту постижимости горизонта, сходились вместе. Что было за той чертой, он не ведал, но видел, что там рождалось солнце. Большое, оранжевое, оно восходило на небосвод, освещая своими горячими лучами город. В его стране солнце грело землю не так жарко. В его стране, в его родном Тибете не было таких диковинных городов. Тот неведомый город его снов стоял на берегу большой реки, широкой и полноводной. Его окружала низкая каменная стена. Каждую ночь он словно ходил по улицам этого города, где люди жили совсем не так, как в его родной тибетской деревне. Бедняки в том городе рыли себе жилища в земле. Те, что чуть богаче, возводили лачуги, обмазывая их землей. Но там же он видел и богатые шатры, и словно парящие в небе золотые купола диковинной

красоты каменных дворцов.

Все в том городе было странным и незнакомым, и всякий раз, когда он пробуждался от сна, неведомая сила влекла его туда. Всякий раз он чувствовал, что настоящий его дом там, на той далекой земле. Это чувство не исчезало. Напротив, со временем оно только крепло, перерастая в уверенность. Позднее уверенность сменилась решимостью и одержимостью во что бы то ни стало дойти до той земли. Он несколько не сомневался, что его земля в той стороне, где за священный Кайлас уходит закатное солнце.

Он пытался было рассказать отцу о своем настойчиво повторяющемся сне, но отец никак не воспринял его душевных волнений. Отец и мать были слишком заняты своими делами, чтобы обращать внимание на его мысли. На Тибете дети взрослеют рано, но родители все еще считали его ребенком. От матери не ускользал ни единый его шаг, особенно после того, как год назад горный камнепад навсегда оставил в своих объятьях его старшего брата.

В тот злополучный день отец с братом отправились высоко в горы, в ущелье Мрака. Этот узкий каменный мешок называли так потому, что сюда никогда не проникало солнце, здесь не приживались ни растения, ни звери. Лишь леденящий жилы холод дышал на приходящих сюда и звонким многоголосьем быстрых вод встречала здесь путников горная речка. Именно к ней и шли путники. На своем каменистом берегу река хранила особый сорт глины, который нужен был

отцу для того, чтобы делать особенную посуду для праздников, семейных торжеств и подношений отшельникам. Он был единственным гончаром в деревне, и спрос на такую посуду имелся всегда. Потому и хотел отец умение свое передать старшему сыну. «А умение тогда придет, – считал гончар, – когда с самых первых шагов постигнет человек все тонкости ремесла, когда поймет, что глина, из которой сваяет он горшки да миски, – живая, со своей душой». Когда камнепад обрушился на дно ущелья, старший сын гончара выбирал из каменистого берега драгоценную глину. Отец не успел опомниться, как тяжелый поток обрушился на сына.

А младший, который остался теперь утехой родителям, наперекор всему, который раз, влекомый зовом сердца, покидал родительский кров. И всякий раз мать поднимала на поиски всю деревню, чтобы общими усилиями возвратить беглеца назад.

...Сегодня он проснулся очень рано. Вернее, в эту ночь он не спал вовсе, а лишь дождался, пока в хижине смолкнут шаги матери и, заглушая ее сонное посапывание, наполнит ночную тишину размеренный храп отца.

Сборы были недолги. Едва дыша, чтобы не разбудить домочадцев, он оделся по-дорожному. Поверх штанов и куртки накинул чубу³, подпоясался, не забыв положить за пазуху чашку для еды. Привязав на спину запас пищи и священную

³ Чуба – зимний мужской халат из овчины, запашной на правую сторону. Одежда тибетцев была без карманов.

книгу, осторожно отворил дверь и вышел из дома.

Холодный, еще ночной воздух бодрил тело. Бескрайнее небо раскрылось над ним огромным куполом, на котором яркие голубые звезды игриво перемигивались друг с другом, затеяв лишь им ведомую игру.

Безлуные прятало от него тропу. Тени, и те растворились во тьме, делая привычную дорогу неузнаваемой. Но он шел вперед. Всюду за большими валунами то тут, то там, мерещились странные образы. Словно ожившие, они старались вселить в него ощущение опасности, но он знал – самая большая опасность на всех дорогах – страх. В его стране каждый ведал древнюю мудрость: «Не бойся, потому что нечего бояться, кроме самого страха».

Но все же он боялся. Боялся, что едва забрезжит рассвет и его уход опять заметят. Боялся, что его найдут и снова заставят вернуться назад. А его дом там, за горами, на далекой незнакомой земле, где течет большая река. Туда, где его настоящий дом, во что бы то ни стало он обязательно должен дойти. Должен...

Капризная большая туча зацепилась за вершину горы и никак не хотела покидать своего пристанища. Она висела над деревней низко-низко, скрывая туманом плотно прижавшиеся друг к другу жилища селян. Лучше бы пролилась холодным дождем, рассыпалась ледяным градом, отпыхала ослепительной молнией, отгремела оглушающим громом, чем вот так безразлично висеть все утро в ленивом бездействии. Под ногами камня не видно, не то что тропы горной. Однако с раннего утра в деревне переполох. У гончара Юлгая опять пропал младший сын Марпата. Вечером был, а утром, глядь, нет его. Мать с ног сбилась. Хотя не внове для нее внезапные исчезновения сына, но всякий раз, как спохватывалась она о пропаже Марпаты, на душе становилось все беспокойней. Не первый раз поднимает она на поиски всю деревню. Спасибо соседям, никто ни разу не отказал им с Юлгаем в помощи.

А началось все год назад, когда под обвалом погиб их старший сын. Да, видно, беда не приходит одна. Младший Марпата вдруг стал твердить о каком-то доме, в который он должен уйти. Родители еще от горя не оправились. Где уж тут обращать внимание на детские фантазии сына. Сколько их в каждой ребячьей голове. Вот и Марпата поговорил, подтвердил, да и замолчал. А через некоторое время пропал.

Тогда впервые вся деревня вышла на его поиски. С ног сбились. Все горные тропы прошли, во все доступные ущелья заглянули. Нашли-таки. Водворили беглеца восвояси. Вернули, а он все одно твердит: «Уйду». С тех пор Марпата все чаще стал тайком уходить из дома. Мать покоя лишилась. За каждым шагом сына стала следить, ночами сон потеряла, да и перед соседями совестно, что сын из дома бежит, словно чужой. Сельчанам тоже покоя нет, всякий раз всей деревней ищут упрямого беглеца.

Хоть и туманно с утра так, что собственного носа не видно, но все с рассвета на ногах. Разбрелись по узким горным тропам. У пёба особое чутье. Пёба с закрытыми глазами в крошечной тьме, в густом молоке осеннего тумана пройдет там, где иной и думать о том побоится. Время от времени перекликаются, пересвистываются. Эхо в горах далеко разносит голоса. Вот и тучу спугнули. Наконец-то снялась беременная дождем странница с остроконечного прикола и, полная, медленно, лениво, дабы не расплескать холодную влагу, поплыла прочь. А людям только того и надо. Ищут сына гончара Юлгая в каждой расщелине, за каждым валуном. Нет нигде мальчугана. Ноет сердце материнское: сколько опасностей в горах, сколько зверя всякого, и на горных тропах, и в небе. Коли гриф нацелит свой зоркий взор на хрупкую детскую фигурку, одиноко бредущую в диких горах, острые цепкие когти его тотчас оторвут от земли добычу, а мощный горбоносый клюв начнет единоличную трапезу хищной пти-

цы. А если встретится на пути барс?! Ох!.. Страшно и подумать...

Не впервой искать селянам беглеца. Да только всякий раз несносный мальчишка иные тропы выбирает. Юлгай с женой сегодня держатся вместе. Очень уж трудная у них тропа, узкая-узкая. По одну руку – гора, по другую – бездна. Шаг... Из-под ноги Юлгая выскользнул и устремился в пропасть камень. Он увлек за собой другой, третий... Один за другим. Все сильнее, все громче... То ли гриф взлетел, то ли эхо потревожило скалу. Ожила скала, щедро посылая на людей лавину камней. Женщина вздрогнула. Их тропа – самое узкое и камнепадное место. Даже старожилы отказывались ходить тут, выбирая иные тропы.

Люди, беспомощно прижавшись к холодной каменной глыбе, стараясь не смотреть вниз, боялись пошевелиться. Еще несколько коротких шагов, и они окажутся на твердом плоскогорье. Но эти несколько шагов еще надо преодолеть. Здесь коварная тропа резко уходила вверх, а взгляд невольно устремлялся вниз, в головокружительную бездну, которая, сделай путники хотя бы одно неловкое движение, словно арканом тянула в свое лоно слабые человеческие тела. Юлгай сделал шаг. Камни вновь градом посыпались вниз. Вдруг возле большого валуна, некогда упавшего сюда, на плоскогорье с поднебесных горных вершин, он увидел что-то темное. Почудилось разве? Шаг... Да нет, не обознался, что-то лежит. Забыв об опасности, Юлгай с женой в миг перебрались

на каменистую плоскогорную поляну. Около мокрого, выщербленного валуна, завернувшись в отцовскую чубу, спал Марпата. Он спал крепким безмятежным сном, каким может спать лишь ребенок на первом десятке своей земной жизни. Его не волновали ни грифы, ни камнепады, ни беспокойство родителей. Юлгай взял Марпату на руки. Мальчик открыл глаза и непонимающе посмотрел на отца.

Родители облегченно вздохнули. Юлгай трижды громко свистнул. Гулким эхом разлился свист гончара Юлгая, заходя в каждое ущелье, под каждый камень. Юлгай прислушался. Марпата окончательно оправился ото сна и теперь с сожалением смотрел на отца. Его снова нашли! Ну как же он мог уснуть?! Теперь родители опять приведут его в деревню, а он так не хочет возвращаться в это бесполезное для него место.

До слуха Марпаты донесся свист, потом еще и еще. Длинный посвист сменялся коротким, переходя вновь в длинный. Он доносился с разных сторон. Это отвечали на свист Юлгая те, кто вместе с ним искал Марпату. Язык свиста известен был пёба давно. Они использовали его всегда, когда нужно было переговариваться друг с другом, преодолевая большие расстояния. Язык работал безукоризненно. Теперь все знали – беглец найден. Пора возвращаться в деревню.

Марпата был удручен и всю дорогу громко сопел, держа отца за руку. Юлгай, непомерно крепко сжимая руку сына, не отпускал его от себя ни на шаг. Юлгай думал, и его реше-

ние, зародившееся не сегодня и не вдруг, сейчас становилось тверже камня. Он пообещал сам себе, что больше не допустит побегов Марпаты.

Весь обратный путь родители не проронили ни слова, хотя мысли в их головах камнепадом сыпались в бездну безысходности, вдребезги разбиваясь о твердое упрямство сына. Мать время от времени лишь тяжело вздыхала. Однако Марпата не замечал ее вздохов. Он, хоть и сетовал на то, что его побег в очередной раз провалился, все же не унывал. Когда переходили горную речку, кипящую на небольших каменистых порогах, Марпата загляделся на играющую в воде рыбу. Марпата остановился бы и погладил выступающие из воды рыбы спинки, если бы отец не держал его так крепко за руку.

Он не отпустил ладонь сына и тогда, когда они вошли в дом. Сквозь отворенную дверь, разрезав скудное пространство, на земляной пол их небогатой лачуги пролился луч солнечного света. Неестественно озираясь, словно вкопанный, Юлгай застыл посреди жилища. Он словно пришел сюда впервые, словно не знал, зачем оказался здесь. Марпата непонимающе смотрел на отца снизу вверх. Постояв в такой нерешительности еще немного, рассеянно блуждая взором по стенам дома, Юлгай велел жене собрать вещи мальчика. Она вскинула на мужа глаза и тяжело вздохнула. Она не знала, что затеял муж, но согласна была на все, лишь бы уберечь сына от беды.

Как только мешок с пожитками Марпаты был собран, Юл-

гай, увлекая за собой Марпату, вышел на улицу. После благополучных поисков деревня отдыхала, но в ней было неестественно тихо, словно вся она погрузилась в глубокие раздумья, заставляя умолкнуть и птицу в воздухе, и яка в стойле, и ветер в небесах. Марпата плелся за отцом, понуриив голову. Теперь он понял: что-то неладное задумал отец. Ни Юлгай, ни Марпата не замечали устремленных на них взглядов сельчан, не слышали за спиной сочувственных вздохов.

Вышли за деревню. Привыкший к узким каменистым тропам Тибета, Юлгай шел быстро, так что Марпата едва поспевал за ним. Он никак не мог понять, куда же вел его отец. Шли долго. Широкая тропа то истончалась, то пряталась в зарослях колючего кустарника, выныривая к солнцу, прямо перед головокружительной бездной, то исчезала вовсе. Тропа вилась все время вверх, уводя путников все дальше от мирской суеты. Наконец, они вышли на большую плоскогорную поляну, до поры скрытую от посторонних глаз замысловатым ландшафтом. Их взору предстали массивные ворота, обрамляющие проход сквозь добротную каменную стену.

Юлгай постучал. Ждать пришлось долго, пока за воротами послышались еле уловимые шаги. В прорези маленького, распахнувшегося, словно открывшийся глаз, окна калитки показалась бритая голова. Голова вопрошающе глядела на путников.

– Мы хотим поговорить с ламой Чинробнобо. – Юлгай сбивчиво объяснил голове цель своего визита.

Окно захлопнулось так же неожиданно, как и отворилось, оставляя путников в долгом томительном ожидании наедине с неведением. Неведение можно было расценить двояко: либо просящим надлежало терпеливо ждать, либо лама Чинробнобо отказывал им в аудиенции. Однако Юлгай был настроен решительно. Он почти уже занес руку, чтобы постучать снова, как калитка отворилась, и взору путников предстал молодой бритоголовый юноша в широком монашеском одеянии.

– Лама Чинробнобо ждет вас. Следуйте за мной, – негромко произнес он, приглашая Юлгая с Марпатой войти в глубь монастыря.

То ли ветер подул, то ли юноша не рассчитал усилие, калитка, впустившая путников в монастырские владения, с шумом захлопнулась. Марпата вздрогнул. Ему представилось, что он оказался в неведомом замкнутом мире, откуда не было выхода. Он снова вспомнил о доме. Нет, не о своей деревенской лачуге, а о том далеком доме, куда так стремилась его душа. На сердце сделалось тоскливо и неудобно.

Миновали двор. Небольшая арка в каменной скальной стене вела в жилище монахов. Юноша повел их по узкому, нескончаемо длинному коридору, который заканчивался небольшой приземистой дверью.

Лама Чинробнобо ждал их. Он сидел на земляном полу, на плетеной из травы циновке, скрестив под собой ноги. Его взгляд, его движения выражали лишь спокойствие. Свет за-

жженного светильника создавал на каменных стенах замысловатые блики, оставляя право за сознанием наделять их одушевленностью образов.

Юлгай при виде настоящего ламы заметно разволновался. Он то и дело теребил в руке дорожный мешок Марпаты, крепко сжимая другой рукой маленькую ладонь сына. Подробно он рассказал Чинробнобо обо всем, что привело его в эти уединенные от мирской жизни места, о том, как погиб его старший сын, как младший стал уходить из дома. Гончар доверил ламе свои опасения, что все это может закончиться весьма печально, и он, Юлгай, не видит иного выхода, как отдать сына на воспитание в монастырь.

Лама выслушал до конца взволнованный рассказ гончара. Его лицо не выражало ничего, кроме невозмутимого спокойствия. Напрасно Юлгай силился прочесть на нем ответ на свою просьбу. Молчание затягивалось, гнетом ложась на сердце Юлгая. Ощущение подавленности усугубляло крохотное пространство кельи. Рассчитанное на проживание в этих грубо отесанных стенах одного монаха, оно позволяло двоим вошедшим лишь ютиться у входа. Низкий каменный потолок, довлея над людьми своей массивностью, казалось, опускался все ниже и ниже. От этого хотелось ссутулиться и пригнуться к земле. Здесь на Юлгая давило все: и полумрак, и стены, и молчание ламы.

– Я возьму твоего сына, – наконец произнес Чинробнобо. Невозмутимость, исходящая от него, казалось, заполнила

все пространство кельи, окутывая своей невесомостью Юлгая, но не Марпату. Намерение отца оставить его в монастыре больно кольнуло сердце. Он не хотел оставаться здесь, в этих стенах среди молчаливых монахов. Он не хотел становиться похожим на них в их бессмысленном отшельничестве от мира. Все, что ему было нужно, – это найти тот далекий дом, который каждую ночь виделся ему во снах. А его хотели запереть здесь, с незнакомыми ему людьми. В глазах Марпаты выступили слезы. Он постарался высвободить из крепкой отцовской руки свою ладонь. Впервые за несколько часов утомительного пути ему это удалось.

– Подойди ко мне, Марпата, – так же монотонно спокойно произнес Чинробнобо, – пусть твой отец возвращается домой, а ты пока останешься здесь. Нам есть о чем поговорить. Я вижу, тебя привели сюда по принуждению, но, может быть, после нашей беседы ты изменишь свое отношение к происходящему и к тебе придет желание остаться здесь. Если же ты не захочешь этого, неволить не стану. Через десять дней отец придет за тобой.

Марпата испуганно переводил взгляд то на отца, то на ламу, то на горящий светильник, то на закрытую дверь.

– Если тебе не понравится здесь, – Чинробнобо словно не замечал замешательства Марпаты, – ты уйдешь. Невольников в этих стенах нет.

Несмотря на то, что в монастырь его привел отец, Марпата все же ждал от него поддержки. Он снова обернулся в

сторону Юлгая, но в келье того уже не было.

Марпата остался наедине с сидящим перед ним ламой. Эта темная, вырубленная в скале келья, это дрожащее пламя догорающего светильника, этот облаченный в необычную для Марпаты одежду невозмутимый монах – все настораживало и пугало мальчишку. Ему захотелось быстрее уйти отсюда. Душное замкнутое пространство кельи, запах ячьего жира, его собственная непомерно большая тень, тень лампы, вдруг ожившие на стенах, давили на него непосильным грузом.

Их беседа затянулась. Но чем дольше они разговаривали, тем стремительнее покидало мальчика ощущение подавленности. Странно, но то, что Марпата не мог рассказать родителям, с которыми прожил всю свою долгую пятилетнюю жизнь, он без опасения доверил ламе Чинробнобо. С удивительной легкостью лама Чинробнобо проникал в самые сокровенные мысли Марпаты, и мальчугану казалось, что монах видел его насквозь. Он не стал смеяться над ним. Напротив, он проявил такое внимание, такой интерес, такую чуткость, каких Марпата не ожидал от постороннего человека. Теперь лама Чинробнобо не казался Марпате бесчувственным и безучастным ко всему монахом. Напротив, он смотрел на Марпату с теплотой и пониманием. Появившийся в глазах монаха блеск, непонятный Марпате, скрывал от него самоотверженную решимость помочь мальчику, словно за этим скрывалось что-то большее, глубоко личное, сокро-

венное. От невозмутимого бездействия ламы не осталось и следа. Невысокий, круглолицый, с гладко выбритой головой, он подошел к Марпате и обнял его за плечи:

– Мальчик мой, то, что ты рассказал мне, заслуживает серьезного внимания. Я не только не в праве отказать тебе в помощи, я обязан решить с тобой эту сложную задачу. Но пока мы оба в самом начале пути. Нам вместе предстоит многое обдумать, многое понять, прежде чем мы увидим главное – ту цель, возможно, начертанную тебе свыше, ради которой ты стремишься в дальние страны. Видишь, я говорю «мы». Это значит, что я помогу тебе достичь всего, что ты хочешь, но для этого ты должен остаться здесь. Через десять дней твой отец придет за тобой, и тогда ты дашь нам ответ: вернешься назад в деревню к родителям, или вместе со мной в этих стенах будешь шаг за шагом продвигаться к цели.

Теперь Марпата доверчиво смотрел ламе в глаза. Здесь, в незнакомом ему монастыре, лама Чинробнобо говорил с ним на равных, словно видел перед собой не ребенка, а взрослого человека. С каждым словом, с каждой высказанной ламой мыслью Марпата все больше и больше доверялся этому человеку.

Монастырь, в который привел Марпату отец, расположился у подножья скалы. Позаимствовав у небольшой плоскогорной равнины часть земли, монахи отгородились от мирской суеты каменной стеной. В монастырском дворе текла совсем иная жизнь, словно и ветры сюда не проникали, и

мысли не касались проблем о хлебе насущном. Скала, к которой примыкал двор, была изрезана проходами – коридорами, в глубине которых в маленьких скальных кельях жили монахи. Монастырь был небольшой. Вместе с ламой здесь жили не более десяти монахов, несколько мальчиков, отданных сюда на воспитание родителями, да старый отшельник, замурованный в уединенной пещере.

Марпату поселили в келье с двумя такими же мальчиками, непоседливыми и смешливыми. Порой, ради игры, они устраивали потасовки и тузили друг друга, пока кто-нибудь из старших не разнимал их. В отличие от Марпаты, они носили монашеские мантии, и каждый день посещали занятия. У Марпаты не было обязанностей, он просто созерцал, чем занимались его ровесники. Каждый день он виделся с ламой Чинробнобо, и каждый раз из уст Марпаты лился бурный поток новых и новых вопросов. Порой ответы ламы превращались в затяжные беседы, помогая Марпате смотреть поиному даже на себя. Очень скоро он познакомился с другими обитателями монастыря. Дни его пребывания в этих стенах наполнились смыслом. Особенно ему нравилось приносить еду старому отшельнику. Еда состояла из воды и горсти сырых зерен. Все это он ставил в маленькую нишу с небольшим отверстием в стене и уходил. Когда он возвращался за посудой, миска была пуста, вода выпита. Значит, монах был жив. У Марпаты не оставалось ни одной свободной минуты, чтобы предаться скуке. Одно тяготило Марпату – он все так

же видел по ночам большую реку и город. Он ходил по той неведомой земле, по берегу реки. Ласковая теплая вода гладила ему ноги. Все это казалось таким родным и так манило к себе...

Десять дней пролетели быстро. С утра Марпата подкрепился тсампой ⁴ и теперь беззаботно гулял по монастырскому двору. В самой глубине двора, недалеко от каменного забора приютился навес из ячьих шкур, под которым монахи летом сушили целебные травы. Аккуратно, былинка к былинке, развешивали монахи тонкие, на вид почти безжизненные пучки, которые в действительности таили в себе мощные целительные силы и имели власть над многими недугами. Все лето, день ото дня, из беспомощных, лишенных питания травяных организмов, уходила влага, чтобы монахи могли убрать в закрома самое ценное – сухое снадобье. Сейчас, осенью, все травы были заготовлены, и навес пустовал. Зато рядом находилось небольшое строение, представлявшее собой внутри маленькую темную, без окон, комнату. В этой комнате на прямоугольном каменном столе, в небольших кожаных мешочках монахи хранили камни. Тут были и алмазы, и рубины, и изумруды. Монахи собирали их по всему свету, но не ради обогащения и наживы. В их руках камни способны были влиять на мысли, на здоровье и даже на судьбы людей. Марпате нравилось наблюдать за яркими, порой

⁴ Тсампа – основная пища тибетцев. Это смесь жареного ячменя, китайского чая и разогретого масла. Употребляется в виде похлебки.

необычными цветами камней. Он открыл скрипучую дверь и вошел внутрь. Мальчик рассматривал камни долго, словно изучал их характер. Вот катохитис. Лама Чинробнобо рассказывал Марпате, что если потереть руки одна об другую и коснуться камня, — он прилипнет к руке. А вот похожий на уголь, черный-пречерный антипатий. Марпата еще не знал его предназначения. Интересно, есть ли такие камни в том далеком городе его снов?... От раздумий Марпату отвлек молодой монах. Он сбился с ног, разыскивая по поручению ламы непоседливого мальчишку. Чинробнобо ждал его.

С шумом распахнулась келейная дверь, ударившись о толстую каменную стену. И Чинробнобо и Юлгай увидели сияющие глаза Марпаты, словно вихрь, влетевшего в келью ламы. Быстрый озорной взгляд мальчугана, брошенный на отца, рассмешил Чинробнобо.

— Ну, что, Марпата, — улыбнулся лама, тронув мальчика за плечо, — десять дней прошли. Твой отец сдержал слово. Он вернулся в назначенный срок. Теперь слово за тобой.

Марпата еще раз посмотрел на отца. Конечно же он хотел домой, но лишь потому, что давно не видел мать. Ему хотелось забраться к ней на колени, прижаться к ее теплой щеке, а потом сидеть и теребить ее волосы, собранные в пучок. А потом... Марпата задумался. Что он будет делать потом? Смотреть, как отец лепит горшки, или постоянно чувствовать на себе оберегающий взгляд матери? Она будет ходить за ним по пятам, но при первом удобном случае он опять

попытается уйти из дома, потому что он должен найти тот далекий город. А если Марпата остановится в монастыре, то лама Чинробнобо обещал помочь ему. Он обещал указать путь к его мечте. И потом, здесь так много интересного...

Марпата перевел взгляд на ламу, потом снова на отца. Оба стояли молча, скрывая едва заметные улыбки. Словно сговорившись, они одобряли любой выбор Марпаты.

– Я останусь здесь. – В глазах Марпаты вспыхнули веселые искорки.

Юлгай вздохнул. Кто знает, был ли это вздох облегчения, или, напротив, его сердце сжалось от предстоящей разлуки с сыном?

Как бы то ни было, они с женой оставались одни. Старшего сына призвал к себе Всевышний. Чтобы младшего не постигла та же участь, гончар привел его сюда...

Юлгай и Марпата шли через монастырский двор к воротам. Отец, может быть, последний раз держал сына за руку. Лишь до калитки их жизнь – одно целое. Еще несколько шагов, и черта монастырской стены навсегда разделит их судьбы. Юлгай взял сына на руки и прижал к груди. Прощались недолго. Скрипнула калитка под тяжелой рукой гончара, открывая взору узкую каменистую тропу, которой через мгновение предстояло разделить единую жизнь отца и сына на несвязанные между собой судьбы.

Сегодня Марпата проснулся так же рано, как и его товарищи по келье. Вернее, его разбудил вошедший монах. Все десять дней Марпата спал столько, сколько желала его душа, вопреки всеобщему распорядку, согласно которому, просыпаясь, каждый приступал к своим обязанностям. Но сегодня все для Марпаты было по-иному.

Монах положил перед Марпатой аккуратный сверток. Марпата развернул его. Это было новенькое монашеское обличение. Ему нравился этот удобный наряд. Порой, проходя мимо монахов, Марпата заглядывался на их одежду, втайне желая иметь такую же. Быстро, с удовольствием примерив одеяние, он вопросительно посмотрел на монаха, словно ожидал одобрения. Но тот, не замечая восторга мальчишки, усадил его перед собой и достал острую бритву. Через несколько мгновений голова Марпаты напоминала гладкий валун. Монах одобряюще подмигнул Марпате и вышел из кельи.

Марпата оглядел себя довольным оценивающим взглядом. Теперь его трудно было отличить от других обитателей монастыря. И ему это нравилось.

После общей трапезы, состоящей из неизменной тсампы, новые друзья Марпаты отправились на занятия. Учеба в монастыре занимала добрую половину дня. Привыкший к то-

му, что монастырские правила не распространялись на Марпату, он решил навестить старого монаха Тенчига. Чтобы ничто не нарушало покой старца, ему отвели скромную келью, которая одиноко ютилась в глубине узкого, вырубленного в скале коридора. Монах был очень стар и почти не выходил из своей кельи. Его подслеповатые слезящиеся глаза с трудом смотрели на мир, а ноги неуверенно преодолевали каждый шаг. Когда-то Тенчиг исходил все потаенные горные тропы и не было ему равных в знании множества целебных трав. Он бывал там, куда не каждый отваживался заглядывать. Он знал многие тайны горных троп. Он ведал, где растут редкие травы. Он смешивал разные травы, и невероятным образом сила их росла, исцеляя многие недуги. Марпату привели к Тенчигу воспитанники монастыря, которые жили вместе с ним в келье. Каждое утро они носили монаху тсампу и воду. Марпату поразил древний и дряхлый старик. Что-то неодолимо влекло его к нему, и он стал заглядывать к Тенчигу чаще. Сегодня Марпата попросил, чтобы ему позволили отнести старому монаху еду. В его темной келье всегда стоял пряный запах неведомых Марпате трав. Отдав пищу, мальчик расположился напротив. Чем чаще он бывал у Тенчига, тем больше вопросов возникало в его голове. Беззубым ртом монах вкушал тсампу, а Марпата ждал, пока старец закончит трапезу.

В проеме отворившейся двери показалась такая же, как у Марпаты, бритая голова мальчишки:

– Вот ты где, Марпата. Лама Чинробнобо ждет тебя.

Марпата перепоручил мальчишке взять у Тенчига посуду и отнести ее на кухню, а сам, что было сил, пустился бежать по теперь уже знакомому узкому, с земляным полом коридору.

Сегодня лама Чинробнобо был серьезнее обычного, хотя он так же улыбнулся Марпате, когда тот поприветствовал его, и так же потрепал его по гладковыбритой, почти блестящей голове. Он пригласил его сесть напротив. Он пристально смотрел Марпате в глаза, словно старался проникнуть в самые потаенные уголки души мальчика. Он что-то обдумывал. Марпата заметил, как едва дрогнули его брови, обозначив на переносице две глубокие складки.

Молчание было долгим. Оно настораживало Марпату, но он терпеливо ждал. Этому его учил лама Чинробнобо. Наконец, голос ламы разрушил гнетущую тишину и ожидание.

– Марпата, я позвал тебя для очень серьезного разговора. – Взгляд ламы еще глубже устремился в душу Марпаты. На лице не было ни тени улыбки. Он сидел на полу, скрестив под собой ноги, невольно пряча их в складках мантии. – От нашего разговора будет зависеть многое в твоей жизни, – по обыкновению, лама говорил с Марпатой так, словно перед ним сидел взрослый, много повидавший за свою жизнь монах. – Совсем недавно твой отец привел тебя сюда. Он поведал мне о твоих многочисленных уходах из дома. По твоим словам, ты шел на поиски своего настоящего дома. Я обещал

помочь тебе, если ты останешься в монастыре. Ты принял мое условие. Теперь нам предстоит разобраться в истинности твоих устремлений.

Марпата слушал наставника с недоумением. Неужели Чинробнобо сомневался, неужели он не доверял ему?

– Нет, Марпата, – уловил мысль мальчика лама, – ты зря волнуешься. Мы оба должны понять в первую очередь то, является ли твое стремление отправиться в дальний нелегкий путь порождением еще несовершенного детского ума, или же это осознанное желание развитого духа, точно знающего свое предназначение. Да, именно так, и ты должен сам осознать это. В одночасье тебе не постичь свой дух, который несомненно намного старше твоего тела. Вот потому-то я и говорю с тобой не как с ребенком, а как с личностью, имеющей гораздо больший жизненный опыт, чем хранит ее память на этой земле. Многие на осознание своего духа тратят порой всю жизнь. Но мы с тобой не можем так долго ждать. Если это твой дух влечет тебя в дальние страны, а он точно знает свое предназначение, мы должны торопиться, ибо твой дух зовет тебя туда, где ты должен быть. Но тело твое еще слабо, а ум несовершенен. Путь, начатый тобой сейчас, может завершиться печально. Чтобы этого не случилось, ты должен понять, что источник духа нельзя исчерпать. Но неисчерпаемым, неизносимым, не расточаемым, вечным, он станет лишь тогда, когда ты осознаешь свой дух. Это необходимо, поскольку осознанный дух сильнее любой

земной силы, ибо он питает и поддерживает все. Дух дает человеческому телу жизнь, но для этого ты должен постичь и непоколебимо знать его неистощаемость. На осознание своего духа я даю тебе, Марпата, два года, – лама становился все серьезней, – при условии, что я всегда буду с тобой рядом. Два года – это очень короткий срок, и ты не сможешь бездумно растрачивать время, как это делают здесь некоторые твои сверстники, предаваясь праздным и бессмысленным забавам...

...Марпата возвращался от ламы унылый и разочарованный. Занятия еще не закончились, и он в одиночестве предался раздумьям в своей келье. Слова ламы потрясли его. Два года – полжизни! Он должен зря потерять полжизни! Нет, он не мог так долго ждать! И зачем ему осознавать какой-то дух?! Лама обещал помочь ему, а вместо этого задерживает его в монастыре еще на два года! А он поверил ему!..

Глава II

1

Высокие дубовые стены, обьяв Боровицкий бугор, надежно защищали Москву от набегов непрощенных гостей. Не раз добрым словом вспомнили бояре Ивана Калиту за то, что спрятал за деревянными укреплениями их терема, соборы да княжьи хоромы. Однако, как бы ни был просторен Московский Кремль, не мог он вместить в себя всех обитателей этих болотистых мест. Потому и разместились за стенами города небольшие посады. Там селились ремесленники и торговцы, возводя рядом с жильем необходимые для хозяйства постройки. Еще дальше, к северу от реки Неглинка, приютилось Загородье, здесь обитали городская беднота и крестьяне. Загородье – окраина Москвы. Через него во все стороны света много важных дорог проходило, всякого люда стекалось-растекалось видимо-невидимо. Татары, под которыми Московское княжество ходило уже не первую сотню лет, тоже через Загородье в Москву попадали.

Утро выдалось холодным. Параскева накинула на себя телогрейку и отправилась за водой. Загородье окутал густой туман, так что в десяти шагах вокруг ничего не было видно. Параскева рано похоронила родителей и теперь жила со

старой ворчливой бабкой и малолетним сынишкой в ветхой, покосившейся от времени избе. Загородские ее не жаловали, называли гулящей. Да и старуха все время попрекала, дескать, дитя в подоле принесла. Доброго слова Параскева не слышала. Днем трудилась по хозяйству, а ночами плакала в подушку. Среди загородских баб она отличалась красотой: стройная, статная – мужики на нее заглядывались. Но кому нужна такая? Не было и дня, чтобы кто-нибудь не бросал Параскеве вслед обидного слова. Людская молва – что оплеуха, людские языки – что жала змеиные – больно язвят, ядовито. Вот и приходилось молодухе во всем на себя полагаться.

Много воды надобно сегодня Параскеве. Постирушку затеяла да избу прибрать решила. Не одно коромысло должна она принести. В попутчицы ей вышла Евдокея. Сызмальства они с Параскевой знают. Сейчас у Евдокеи своя семья, но подругу не забывает. Избы их почти по соседству стоят. Евдокея – не как все. Ей людская молва не указ. Косо на Параскеву не смотрит, напротив, чем может, пособляет безмужней молодухе.

– С кем Харитона-то оставила, – слегка покачивая коромыслом и бедрами, поинтересовалась Евдокея.

– Да с кем, с бабкой Аглаей, – отозвалась Параскева, – сама знаешь, какая на нее надежда.

– От твоего вестей нет?

– Нет, – с горечью в голосе мотнула головой Параскева.

Несколько лет назад, вот так же, шла она с полными вед-

рами воды. Остановил ее высокий темноволосый татарин, с виду – богатый господин, попросил воды напиться. Как увидела Параскева жгучие глаза татарина да брови вразлет – про все на свете забыла. Татарину, видно, она приглянулась. Захаживать к девице стал. Бабка Аглая выбор внучки не одобряла, но молчала – боялась навлечь на их дом гнев татарина. Загородские меж собой шушукались, но тоже открыто ничего не высказывали. А через год у Параскевы родился сын. Назвала она его Харитоном. Все думали, что татарин больше не появится, а он, напротив, стал не только приходить к Параскеве чаще, но и помогать ей. Параскева перестала нуждаться и, казалось, была со своим татаринком счастлива. А еще через год он уехал, и вот уже четвертую осень Параскева жила никому ненужной брошенкой.

Коромысло скрипело, словно жаловалось на непосильную ношу. Параскева поставила полные ведра на лавку и села отдохнуть. Харитон, завидев мать, сполз с рук бабки Аглаи и перебрался на колени Параскевы.

– Покорми мальчика-то, – ворчливо наставляла молодуху бабка, – а то убежала, а дитя голодное.

Параскева не стала спорить. Она молча достала из печи чугунок с кашей и села кормить сына.

В дверь постучали.

– Открыто, – прошамкала беззубым ртом бабка Аглая.

В горницу вошла Евдокея. В руках у нее был огромный гусь.

– Вот, – Евдокея протянула Параскеве птицу, – мой вчера на охоту ходил, бери.

– Спасибо тебе, Евдокея, – приняла подарок Параскева, – не забываете вы меня. Только неловко мне как-то. У вас с Поликарпом Михей почти такой же, как и мой Харитоша, его, чай, тоже кормить нужно.

– Да не думай ты, бери, – рассмеялась Евдокея. – Поликарп сам меня послал к тебе. Много он вчера подстрелил. Куда нам?

Параскева была благодарна подруге. Благодарна не только за то, что та делилась с ней куском хлеба. По старой дружбе они с Поликарпом помогали Параскеве всем, чем могли.

Сделав еще несколько ходок за водой, Параскева принялась щипать гуся. После утренней трапезы бабка Аглая отправилась дремать на печку. Харитон же крутился возле матери. Каким-то невеселым показался он сегодня Параскеве. Поиграл немного с мягким гусиным пухом, да и уснул здесь же, на полу, прямо у ног Параскевы.

Все дела переделала Параскева. Стало уже темнеть, а сын все спит. Запалила лучину. Дотронулась ладонью до лба мальчика, а тот пылает, словно раскаленная сковородка. Параскева только руками всплеснула. Бросилась к бабке Аглае за советом, а та знай одно бормочет: «Все в Божьей власти». Так и проплакала Параскева до рассвета у постели больного сына.

Утром дела не лучше. Без чувств лежит Харитон: губы си-

ние, в лице – не кровинки. Спустилась с печки бабка Аглая.
– Отходит, – заглянув в люльку, прошамкала старуха и вышла из горницы.

Параскева опрометью бросилась к Евдокее. Как добежала, что говорила и как оказалась у постели сына – не помнит.

Поликарп вошел в избу Параскевы без стука. Вместе с ним на пороге появился солидный человек. По внешнему виду сразу понятно – не из бедных.

– Лечца⁵ Харитону твоему привел, – с порога бросил Поликарп.

Параскева не противилась. Помогла лечцу раздеться, поднесла воды – руки помыть. Пока врачеватель осматривал Харитона, стояла чуть поодаль, с замиранием сердца вслушивалась в каждое слово.

– Плохи дела, сударушка, – озабоченно взглянул на Параскеву лекарь, – простудился малец сильно. Если так оставить – до утра не дотянет.

– Вы уж не оставьте, – вступился Поликарп, – а мы в долгу не останемся. Как пожелаете с вами рассчитаться – натурой или деньгами?

– Как угодно, – лечец оказался непривередлив, – и, если не возражаете, я сегодня останусь у вас на ночь. Вот что, сударушка, – обратился лечец к Параскеве, – пока я готовлю снадобье, протри-ка половицы можжевеловой хвоей.

Всю ночь лечец не отходил от Харитона: то поил его це-

⁵ Лечец – лекарь, народный врачеватель в средневековой Руси.

лебным отваром, то давал какой-то порошок. На рассвете жар у Харитона начал спадать. Он открыл глаза и, увидев незнакомого человека, разревелся.

— Ну вот и хорошо, — улыбнулся лечец, глядя на ревающего Харитона. — Остальное зависит от вас.

Едва солнце поднялось над окоемом, в избу ввалился Поликарп. Два гуся, которых он держал в руках, быстро перекочевали в котомку к лечцу.

Целую седмицу Параскева не отходила от постели сына. Исправно давала все, что прописал лечец. Если бы не Евдокея и Поликарп, кто знает, как обернулось бы дело. Сами не богатого рода, а помогали Параскеве, чем могли. Вряд ли без их помощи смогла бы она расплатиться с лечцом за снадобье из оленьих рогов, которое вмиг прибавило Харитону сил. У Евдокеи на руках маленький Михей, но она успевала помочь подруге и воду принести, и похлебку сварить.

Глядя на выздоравливающего Харитона, Параскева плакала от счастья. Ее чувство благодарности соседям было сейчас сродни поклонению. И чем легче становилось Харитону, тем больше понимала Параскева, скольким обязана она своей подруге и ее мужу.

Северные русские земли Мухаммад ад-Дину не в диковину. Несколько лет назад по поручению правящего хана Улуг Улуса впервые приехал молодой эмир в Московское княжество. Выросший в Великой Степи, где взгляд, словно пущенная стрела, летит, не встречая препятствий, от окоема до окоема, Мухаммад ад-Дин долго не мог привыкнуть к непроходимым чащобным лесам, холодному воздуху и короткому лету этих мест. Но когда пришла пора покидать московские земли, он не мог и предположить, чем отзовется в его сердце возвращение на родину. Несколько лет он пытался вычеркнуть из памяти время, проведенное на Руси, но всякий раз в мыслях возвращался туда вновь и вновь. Сейчас, преодолев три долгих года душевных переживаний, Мухаммад вновь отправился на Русь, только уже не по поручению хана, а по велению собственного сердца.

Преодолев реку Неглинную, дорожная арба Мухаммада въехала в Загородье. Сердце молодого татарина учащенно забилося. Сколько связано у него было с этими русскими местами! Сколько времени проводил он здесь когда-то!

С самого утра, не разгибая спины, Параскева трудилась на огороде. Рядом с ней крутились ее пятилетний Харитон и соседский Михей. Евдокея с Поликарпом отправились по делам в Заречье и попросили Параскеву присмотреть за сы-

НОМ.

Харитон первым заметил запыленную арбу, которая подъехала к их избе. Из арбы вышел человек.

– Там какой-то дядя, – подбежал он к матери.

Теперь и Параскева заметила приближающегося к ним человека. В необычном для этих мест облике мужчины она узнала своего татарина. От неожиданности Параскева словно онемела, но совладав с собой, наспех поправила выбившуюся из-под косынки непослушную прядь русских волос. Параскева не могла поверить своим глазам.

...Она поставила перед дорогим гостем все, что было в печи небогатого дома. Мухаммад едва притронулся к еде. Так и просидели они с Параскевой за разговорами до позднего вечера. Он слушал женщину и не отрывал взгляд от Харитона, она – рассказывала, как жили без него долгих три года, рассказала о недавней болезни сына, о том, как соседи помогли спасти его от смерти. Чем больше узнавал Мухаммад о жизни его русской семьи, тем угрюмее становился. Сам он был немногословен. Параскева слушала его обрывистые фразы и тихонько плакала.

Харитон поглядывал на Мухаммада с опаской. Он совсем не помнил отца, и, несмотря на все уговоры подойти к нему ближе, прятался за материнской юбкой. Несколько дней Харитон внимательно изучал нового человека, так неожиданно появившегося в их доме, но вскоре привык к Мухаммаду. Ему даже нравилось проводить с отцом время. Они вместе

гуляли по Загородью, ходили за реку к большому оврагу, а оттуда, еще дальше, в лес.

Им было хорошо вместе. По Загородью пошла молва, что к Параскеве вернулся ее татарин. Не обращая внимания на любопытные взгляды слободчан, молодуха светилась от счастья. Она во всем старалась угодить суженому, а он все чаще смотрел на жену задумчивым взглядом и вздыхал. Понимала Параскева, что волновало Мухаммада, – не навек он приехал к ним с сыном, а повидаться. Ни о чем не спрашивала она татарина – свое хрупкое счастье спугнуть боялась. Но сколько от судьбы не бегай, а все равно убежать не удастся.

Долго не решался Мухаммад начать разговор, но срок, что наметил он пробыть в Загородье, неминуемо близился к концу. В Улуг-Улусе его ждала другая жизнь.

С утра Параскева затеяла печево – старалась повкуснее накормить мужа. Она суетила около большого дубового стола, раскатывая увесистой скалкой подоспевшее тесто.

– Параскева, послушай меня. – Мухаммад отвлек жену от стряпни. – Я долго не решался начать с тобой этот разговор, но время не ждет и мне пора возвращаться.

У Параскевы внутри словно что-то оборвалось:

– Но ты ведь не оставишь нас?

– Нет, не оставлю, – не очень уверенно произнес Мухаммад. – Я не решался тебе сказать... – Мухаммад запнулся. – Я приехал сюда... за сыном.

В горнице повисло тяжелое молчание. Только бабка Аг-

лая кашлянула на печке, спугнув беззаботную песнь сверчка. Параскева не могла поверить услышанному. Она смотрела на Мухаммада, глотая нахлынувшие вдруг слезы, не в силах вымолвить ни слова. Никогда прежде ей не приходило в голову, что кто-то может разлучить ее с сыном, которого она взлелеяла почти одна, наперекор злой молве, который был ее единственной отрадой в жизни. В душе Параскева противилась решению Мухаммада, но как она, бедная крестьянка Русского улуса, могла противостоять воле татарского эмира, пусть даже тот был отцом ее ребенка?

Мухаммад убеждал Параскеву, что там, на его родине, в далекой Татарии их Харитон не будет нуждаться ни в чем. Он получит хорошее образование и манеры. Параскева и сама понимала, что она, безграмотная крестьянка, не сможет дать сыну столько, сколько Мухаммад, но сердце ее разрывалось между материнскими чувствами и здравым смыслом. Ее неожиданная всеобъемлющая радость в одночасье сменилась таким же неожиданным безутешным горем.

Параскева собирала вещи сына, то и дело вытирая платком глаза. Харитон крутился тут же. Ему сказали, что он поедет с отцом, и теперь мальчуган ждал того часа, когда сможет покататься в дорожной арбе. Но Харитон никак не мог понять, почему его мама все время плакала.

Параскева ждала и надеялась, что Мухаммад позовет ее с собой, но он молчал. Там, на татарской земле, у него была своя жизнь, неизвестная Параскеве, в которой ей не было

места.

Уезжали на рассвете. Еще с вечера в арбу сложили все необходимое: дорожные тюки Мухаммада, немногочисленные вещи Харитона, снедь. Параскева все время плакала и не отпускала сына от себя. Тот же, напротив, никак не хотел находиться возле матери и все время норовил перебраться в дорожную повозку.

Проводить путников в дальнюю дорогу пришли Евдокея с Поликарпом. Несмотря на раннее утро, Михай тоже увязался за родителями.

Прощание было долгим. Параскева тихо плакала в плечо Мухаммада. Михай совал Харитону в руки подарки: тот давно просил приятеля подарить ему большого засушенного жука-носорога и волчий клык. Михай берег эти драгоценности и даже в руки никому не давал, но в такую минуту для друга ему ничего не было жалко.

Время бежало неумолимо. Настал миг расставания. Параскева крепко обняла сына, потом, едва сдерживая рыдания, сняла с себя нательный крест и надела его на шею Харитона. Она еще долго вглядывалась вслед уходящей вдаль повозке и, осеняя крестом дорогу, шептала слова молитвы.

Глава III

1

Отсюда, с крыши его родительского дома, построенного из дерева и обожженной глины, стоявшего на некотором возвышении, открывался великолепный вид на долину реки Аму. Вдалеке, на зеленой равнине, сплошь изрезанной оросительными каналами и ручьями, расположился город Кеш. Обнесенный земляным валом, обрамленный глубоким ровом, он выглядел величественно. Тяжелые городские ворота охранялись от непрошенных нашествий чужаков подъемными мостами. В долине колосилась пшеница, родил свои божественные ягоды виноград, пушистый хлопок представлял солнцу белоснежные головки-коробочки, в листве плетущихся стеблей лиан зрели дыни, а путники укрывались от жаркого южного солнца под густыми кронами плодовых деревьев. Город Кеш окружало множество многолюдных селений, среди которых приютилось и местечко Ходжа-Ильгар, откуда был родом Тимур, сын благородного, но небогатого человека Амира Тарагая, барласского бека, зависимого от Казан-хана, двадцать первого хана Чагатайского Улуса.

Итак, Тимур, по обыкновению, коротал дни на излюбленной крыше отчего дома. В который раз созерцал он со своего

наблюдательного пункта размеренность жизни окрестностей Кеша.

Оторвавшись от равнинной дали, взгляд Тимура устремился на дорогу, что вела многочисленных путников, каждый день идущих по ней кто конно, кто пеше, к Самарканду. Дядюшка Гафур, живший на окраине Ходжа-Ильгара, вел под уздцы молодого жеребца. «Наверно, купил или обменял на рынке», – невзначай подумал Тимур. Он засмотрелся на красивого грациозного коня и в следующее мгновение уже видел себя в полном боевом облачении верхом на этом резвом скакуне. Когда он вырастет, он соберет большое войско. У него будут и пехота, и конница. Он построит осадные машины и научится метать григорианский огонь. Тимур представлял себе всадников в блестящих доспехах, восседающих на роскошных скакунах, покрытых тигровыми кожами. В руках у облаченных в блестящие шлемы и латы всадников тяжелые палицы. «Таковыми будут мои телохранители», – грезил Тимур.

Вдалеке слышалось протяжное зывание муэдзина. Оно доносилось с белокаменного минарета, самого высокого во всей долине реки Аму. Наступало время вечерней молитвы.

Небольшая, плоская с перилами крыша была для Тимура своеобразным убежищем, когда ему необходимо было скрыться от родительского глаза и немногочисленной домашней прислуги. Однако частенько его отец, мягкосердеч-

ный и благородный Тарагай, отыскивал его там и, усадив рядом с собой, беседовал о Боге, войнах, лошадях, охоте. Но непоседливому и свободолюбивому Тимуру быстро надоедала излишняя опека отца, и он либо собирал вокруг себя таких же, как и он, мальчишек, либо, как сейчас, уединялся на излюбленной крыше.

Скрипнула калитка. Трое почтенных людей вошли во двор. Яркие шелковые одежды, напомаженные заостренные бородки, все выдавало в них людей знатных и благородных. Гостеприимный Тарагай пригласил их разделить с ним чаепитие. Гости расположились под сенью старой чинары. Теперь Тимур мог слышать доносящиеся до него разговоры уважаемых. Сначала читали Коран. Монотонно, почти непонятно и скучно. Потом завели разговор о бесконечных войнах и распрях, которые не стихали на этой земле уже много лет. Тимуру совсем не хотелось вникать в суть того, почему враждуют между собой эмиры, и чем динар лучше дирхема. Слушая беседы знатных людей, которые часто заглядывали в их дом, Тимур оживлялся лишь в тех случаях, когда речь заходила об оружии, охоте и лошадях...

– Тимур, где ты? – донесся до мальчишки голос отца. – Должно быть, опять сидишь на крыше? Спускайся. Поди сюда, с тобой хочет поговорить уважаемый Шемс ад-Дин.

Среди людей, посещавших дом Тарагая, были и духовные отцы, и шейхи. Одним из таких и являлся Шейх Шемс ад-Дин Кулаль. Он давно заметил в Тимуре некие искорки, из

которых можно было разжечь большой огонь интереса этого ребенка к исламу.

Несмотря на то, что Тимур слез с крыши и подошел к гостям. Все они, собравшиеся здесь за пиалой зеленого чая, были людьми знатными и уважаемыми.

Пытливый взгляд Шемс ад-Дина заставил Тимура обратиться с мыслями и выслушать все, о чем говорил с ним имам. Тот же в очередной раз спрашивал мальчишку о стихах Корана, о том, как понимает он те или иные высказывания. Святое Писание давалось Тимуру тяжело, и он вынужден был заучивать наизусть целые главы. Однако сегодня духовный пастырь Тимура, каким считал себя сам Шемс ад-Дин, остался доволен своим подопечным.

Вечерний воздух наполнился голосами неумоимо поющих цикад. Одна за другой зажигались звезды. Тарагай, как гостеприимный хозяин, вновь наполнил горячим чаем пиалы гостей. Сегодня, под затянувшуюся беседу, он был кстати. И только Тимуру велено было отправляться спать.

Ночью Тимуру снилось сражение. Он то видел себя на молодом грациозном жеребце (точь в точь таком, какого вел вчера дядюшка Гафур) впереди большого-большого войска, то вдруг на его рыжей вихрастой голове красовалась корона победителя, перед ним преклонялись колени, склонялись головы и знамена побежденных. Снились чужие города, а на башнях тех городов знамена его племени...

Утренняя заря едва запалила горизонт, и небо еще не освободилось от серой поволоки раннего рассветного утра. Тимур открыл глаза и сладко потянулся. Сон остался в растаявшей ночи, но впечатления от увиденного невольно вошли в новый день Тимура, поселяя в его душе грызущую сердце досаду.

Тимур позвал отца. Никто не ответил. Должно быть, Тарагай, пробудившись еще до рассвета, с первыми лучами утренней зари отправился в мечеть. Тарагай хоть и считался вождем племени барласов, но его кроткий нрав и мягкое сердце все чаще влекли его к общению с духовными отцами. В мечети он находил уединение и успокоение душе, а имамы, отыскивая в сердце Тарагая тонкие струнки, толковали ему, каждый на свой лад, законы шариата.

С раннего утра оставшись в одиночестве, Тимур вышел за калитку и, вдохнув сладкого вольного воздуха, направил-

ся на окраину Ходжа-Ильгара к дядюшке Гафуру. В селении просыпались рано. Хозяйство не любит лежебок. Кто поливал сад, кто гнал скотину на пастбище, а кто выпекал утренние лаваш и лепешки. Чалмоносцы – так называли барласы тех, кто был занят мирным трудом пастуха или земледельца, кто не принадлежал к военной касте барласов.

Тимур застал Гафура на конном дворе. В большом загоне сгрудились десятка два лошадей. Все они были как на подбор, словно выточены из благородного материала заправским мастером, искусно, умело вдохнувшим в них жизнь. Их расчесанные гривы и хвосты струились на прохладном утреннем ветру, словно шелковые ковыли. Тимур засмотрелся на этих подкупающих его сердце животных. Страсть к лошадям, скорее всего, родилась вместе с ним, и он мог часами наблюдать за грацией их движений.

Взгляд Тимура выкрал из общей картины созерцания грациозного молодого рысака. Да, это его вчера вел дядюшка Гафур с вечернего рынка по дороге домой. Это его видел Тимур с крыши своего дома. Желание обладать этим животным превышало сейчас в Тимуре все остальные желания.

– Доброе утро, дядюшка Гафур, – поприветствовал Тимур соседа, но взгляд его сквозил мимо конюха и был устремлен на молодого коня. – Дядюшка Гафур, я видел, ты вчера вел с рынка рысака, дай испытать его в седле. – Тимур знал, ему, сыну Тарагая, ему, сыну вождя барласов, Гафур не откажет, потому и просил так уверенно, словно это была не просьба,

а повеление к исполнению. В деревне давно привыкли к подобной манере сына Тарагая общаться с людьми, даже с теми, кто был старше его либо выше по положению и сословию. Это не вызывало протест, напротив, лишь прибавляло Тимуру уважение.

– А справишься? – прищурился, улыбаясь, дядюшка Гафур.

– Я – сын вождя племени барласов. Я – воин, – серьезно, без тени улыбки ответил конюху Тимур. Он вообще мало улыбался и был не по годам серьезен.

Гафур знал страсть Тимура к лошадям, знал, что тот неплохо держится в седле, но опасался давать ему коня, норов которого еще не проверил. А Тимур уже гладил понравившегося ему жеребца по жилистой упругой спине.

– Дай, дядюшка Гафур, – не унимался мальчуган, – что со мной будет? Ты ведь знаешь: Тимур – значит «железный»! Или боишься за коня?!

Видя, как конь смиренно склонил голову к плечу Тимура, Гафур невольно улыбнулся.

– Ну что ж, бери. Только круг по полю, и назад. – Конечно, он знал, что Тимур не послушает его, но опасения конюха постепенно рассеивались, как рассеивалось молоко утреннего тумана, обнажая взору бескрайнюю даль зеленой равнины.

Конь летел, едва касаясь земли, с каждым ударом копыт все дальше отдаляя горизонт. Тимур крепко держал узду, об-

нимая ногами теплое тело рысака. Он чувствовал, как трудится каждый его мускул, как струится по жилам гнедого кровь.

Вольный ветер обвевал еще не окрепшее в жизни детское тело Тимура, наполняя грудь пьянящим вкусом свободы. Юный всадник опять представлял себя впереди войска, которым командовал он – Тимур. Он видел себя в воинских доспехах. Его пьянил блеск воображаемой кольчуги, ему мнилось, словно ветер трепал его шелковую полосатую накидку. Тимур – барлас. И он гордился этим. Барласы испокон веков занимались лишь военным ремеслом. Люди в шлемах – звали их другие жители долины...

Упоенный чувством свободы, увлеченный выдуманном сражением, вечером Тимур собрал у себя во дворе мальчишек. Кто-то ровнялся с Тимуром годами, кто был старше его. Кто-то был таким же, как Тимур, сыном мелкого вельможи, а кто-то непомерно превосходил его в знатности. Но каков бы ни был возраст его друзей, каково бы ни было их положение, все они, еще дети, видели в Тимуре вожака, который оказывал на них огромное влияние. Он обращался с ними, как подобало обращаться господину со своими подданными. Они были его воинами на придуманных им войнах.

Сегодня, пока их отцы, за пиалой зеленого терпкого чая, предавались под старой чинарой скучным беседам о положении дел в Мавераннахре, в старом темном сарае дети вели свои разговоры, где главным, по обыкновению, был Тимур.

Он только что рассказал товарищам, как утром захватил в плен неизвестное ему племя и земли этого племени объявил своими. Он жаждал свободы, и сейчас они вместе разрабатывали планы дальнейших походов.

Глаза Тимура горели, хотя от природы они были лишены блеска. Голос звенел:

– Моя бабушка имела дар отгадывания. Однажды она увидела во сне, что кому-то из ее сыновей предстоит завоевать царства и покорить многие и многие народы. Она увидела, что он будет героем своего времени и своего народа, а последующие времена и народы запомнят его навсегда. Она увидела, что империи мира преклонят перед ним колена, и будут повиноваться ему. – Тимур окинул пристальным недетским взглядом заморожено слушающих его мальчишек. – Этот герой – я... – в голосе Тимура не было ни тени сомнения. – Да, время приближается. Да что говорить, оно уже пришло. Клянитесь же, клянитесь мне, что никогда не оставите меня!

Мальчишки глядели на Тимура с обожанием и восхищением. Они, эти молодые вельможи племени барласов, видели в нем вожака, видели в нем гения и невольно преклонялись перед этим еще хрупким, не окрепшим ребенком.

– Клянемся! – услышал единоголосный ответ Тимур. – Мы клянемся тебе в нетленной верности на все предстоящие времена.

Так проходили дни Тимура в местечке Ходжа-Ильгар, близ Кеша, в долине реки Аму прекрасной страны Мавераннахр⁶. Некогда эти земли были частью владений Чингисхана. Это было Великое монгольское государство, самое обширное и самое сильное из всех мировых империй. Однако звездам суждено блуждать по небосводу. Счастливая звезда, сиявшая над Еке Монгол улусом более полувека, клонилась к закату, постепенно ослабляя свое покровительство над великой державой. Слабеющей империи уготовано было стать разделенной между потомками Чингисхана на четыре улуса. Правителем одного из улусов стал второй сын Чингисхана – Чагатай.

Именно здесь, в Чагатайском улусе, включавшим в себя Мавераннахр, Семиречье и Кашгарию, родился и жил Тимур бин Тарагай Бахадур. В безоблачных играх со сверстниками его пока не интересовали будни его страны. А между тем Мавераннахр проживал не самые лучшие времена. Его истязали нескончаемые неповиновения местных ханов и эмиров дому Чагатая. Мавераннахр то передавали под власть Улуг-Улуса, то вновь силой возвращали в Чагатайский улус. Словно пасынок, Мавераннахр мало интересовал чагатайских ханов, не желавших управлять им, жаждущих лишь наживы и

⁶ Мавераннахр – страна, «та, что за рекой».

доходов от сей богатой страны.

Жизнь местной знати проходила в многочисленных распрях и пирах. Но и это была еще далеко не испитая чаша трудностей, зелье которой каждодневно, вот уже более полувека вынужден был вкушать Мавераннахр. Глоток, и новая волна неурядиц накатывала на эти земли, разводя во взглядах на религию чагатайских ханов. Кто-то, как Чингисхан и Чагатай, хотел остаться язычниками. Но многие уже приняли ислам, населяя в благодатном Мавераннахре мусульманскую культуру.

Тогда-то и барласам приглянулось мусульманство, и избрали они для своих кочевий долину Кашка-Дарьи. Отец в душевных беседах с Тимуром рассказывал ему о том времени, когда барласы еще были идолопоклонниками и жили в горах, когда, обвеваемые вольными ветрами, совершали они набеги на горные поселения. Он рассказывал о засадах вдоль караванных путей и о том, как барласы делили между собой добычу, а их глаза светились кровавым огнем, ведь барласы всегда были воинами. Тимур слушал отца с упоением, но Тарагай вздыхал:

– Мир не лучше, чем золотая ваза, полная скорпионов и змей. Я устал от него... – После этих слов, всегда следовала затяжная тягостная пауза. Вождь барласов все чаще думал об уединении, и только семья удерживала его от этого шага. Ох, уж этот мир – мир времени падения улуса Чагатая! Течение времени в нем определяло новые противоречия.

Враждовали приверженцы кочевой жизни и те, кто желал оседлости. Враждовали джелаиры и барласы. Враждовали до тех пор, пока Чагатайский улус не раскололся на две половины – Мавераннахр и Моголистан. Но и тогда не познала спокойствия эта земля, ибо многочисленные ханы, желающие править ею, изнуряющими реформами лишь усугубляли положение дел. Богатый Мавераннахр раздирали, словно добычу, на куски неисчислимые малики и эмиры. В таком Мавераннахре и складывалось миропонимание Тимура.

Здесь неугомонная река, убыстряя течение бурных вод, огибала высокую скалу из белого известняка. Оторвавшись от каменистого берега, петляя между невысоких кустарников, вверх по скале бежала едва заметная тропа. Наблюдательный взор, приглядевшись, мог заметить, что тропа ныряла в узкий проем и исчезала там. Но зоркий глаз едва рассмотрел бы, что за проемом таилась пещера – Святая святых Тимура и его нукеров ⁷. Здесь хранили они длинные тугие самодельные луки, стрелы. Сюда приносили подстреленных на охоте лисиц и перепелок. В нескончаемых играх в сражения, в этих каменных стенах, вынашивал Тимур дерзкие планы завоеваний. Всех своих воинов он знал по именам. Карим, Абдулла, Шараф и Насир – четыре товарища, четыре друга, готовых пойти за своим вожаком в огонь и в воду. Все они сыны местных вельмож, более богатых и более знатных, чем он, Тимур. Если бы он не родился сыном вождя барласов, вряд ли возможна была эта дружба. Как и Тарагай, Тимур владел лишь необходимым для своего существования имуществом и таким же малым количеством слуг. Но он был барлас, а барласы, испокон веков кочуя по своим землям, знали извечные истины жизни. Тимур часто слышал от отца: «Песок пустыни рассеивается легким дуновением

⁷ Нукер – конный слуга.

ветерка, еще легче развеивается человеческое достояние». Тимур был воином, а значит, ничего зазорного и не было в том, коли отвоевать у соседа чалмоносца себе на пропитание пару-тройку овец или баранов. Что может быть свежее вольного ветра, быстрее пущенной стрелы, слаще оправданного разбоя?!

Мрак пещеры слабел перед светом горящего костра. Ветер не заглядывал в этот каменный подземный карман, а потому пламя горело ровно, спокойно, располагая Тимура к раздумьям. Годы его были еще не многочисленны, но все же они множились, а значит, освобождаясь от детской наивности, множились и мысли Тимура. Они – его мысли, еще не обрели чувства полета, и обитали здесь, в этой пещере, рядом с подготовленными к охоте луками и стрелами, около подстреленного оленя и дичи. Тимур грезил ястребиной охотой. Сейчас он витал в бездонной небесной синеве. Он представлял парящую в вышине роскошную пару грациозных хищных птиц. Тимуру виделось, как он, юный всадник, с руки отпускает птиц в небо, а они, расправив сильные крылья, плывут в густоте воздушной стихии, ловко высматривая обреченную добычу.

Раздумья все глубже увлекали Тимура в тот полуреальный мир, оставляя рядом с товарищами лишь присутствие его телесного облика. Те, зная, что Тимура нелегко вернуть из окружения его грез, беседовали между собой, посматривая за готовившейся на огне дичью.

Дичь уже зарумянилась аппетитной корочкой, дразня мальчишек соблазнительным ароматом. Сегодня их, воинов Тимура, было только трое. Насира отчего-то нигде не могли найти. Тимура, как вожака, это весьма раздражало, тем более что он наказал всем готовиться к предстоящей охоте. Он расценивал неповиновение Насира (который был старше Тимура на несколько лет) если не как личную обиду, то уж, во всяком случае, как собственную слабость организовать своих воинов. Однако этих мыслей он не выдавал никому. Они, его товарищи, должны были видеть в нем сильного, уверенного вожака.

Тимур разорвал руками жареную дичь и раздал каждому по куску. За входом в пещеру слышались чьи-то шаги. Тимур насторожился. Никто, кроме их неразлучной команды, не знал этой тропы. И они никому не хотели раскрывать тайного их обиталища, позволяющего скрыться от нежелательных глаз.

Твердые уверенные шаги приближались. Тимур привстал. Друзья переглянулись. Недолгие мгновения неизвестности напряглись настороженностью. Шаги слышались уже рядом. Наконец, в каменном проеме показался... Насир. Все облегченно вздохнули.

Тимур еще сердился на Насира, но тот, не говоря ни слова, подошел к нему. Только теперь Тимур заметил, что на руке Насира сидела большая, накрытая кожаным мешком птица. Тимур пытливо посмотрел на Насира, потом осторожно снял

с птицы мешок. О, он не мог поверить своим глазам! На руке товарища восседал молодой, еще плохо оперившийся золотистый орел.

– Где ты взял его?! – Глаза Тимура загорелись огнем вождения. Золотистый орел! Эта птица была его заветной мечтой! Золотистый орел, в отличие от ястреба, мог летать без пары. Его зоркость, его меткость и королевское величие делали эту птицу гордостью любого охотника, словно титул, повышая значимость любой семьи, любого рода.

– Не спрашивай меня, Тимур, где я приобрел эту птицу, – уклонился от ответа Насир, – я – барлас, я – воин, а орел – моя добыча. Я дарю его тебе. Он – твой.

Роскошная птица перекочевала на руку Тимура. Мощные острые когти впились в толстую кожаную перчатку, грозя продырявить грубо выделанную кожу. Рука Тимура чувствовала крепкие объятия лап орла. Тимуру передавалась сила этой птицы, вселяющая желание охотиться, желание воевать, желание побеждать.

– Насир, ты настоящий друг, – неотрывно, с восхищением глядя на орла, растягивал слова оторопевший от неожиданного подношения Тимур. – Я прощаю тебе твое отсутствие.

Всецело поглощенный подарком, Тимур не подозревал, какое сходство он имел сейчас с этой величественной птицей. Тот же исполненный собственного достоинства, взгляд черных, смотрящих в самую суть, глаз, гордая осанка и неповторимая манера царственно держать голову, свойственная

лишь хищникам, не имеющим себе равных.

– Я непременно должен показать его отцу, – заворожено глядя на молодого орла, прошептал Тимур неожиданно севшим от волнения голосом, – готовьтесь к предстоящей охоте, я скоро вернусь.

За пиалой ароматного зеленого чая беседа лилась непринужденно. Шейх Шемс ад-Дин Кулаль в сопровождении свиты прибыл к Тарагаю из Кеша. Не велик путь от города до Ходжа-Ильгара, но велика честь, какую оказывал своим визитом шейх Тарагаю. Тот же считал почтенного Шемс ад-Дина своим духовником, а потому доверял ему самые сокровенные мысли. Тарагай, хоть и был барлас, но его мягкое сердце и благородная душа отвергали воинственность, а поэтому ему хотелось спокойствия и праведности.

Сегодня он долго расспрашивал Шемс ад-Дина о том, что есть чистота и что есть порок. Мусульманский шейх толковал ему Коран, вплетая в свою непринужденную речь непонятные для Тарагая слова. Он видел, как эмир воинственного племени барласов склонялся к мирному уединению. Ему льстило это и, с каждой новой беседой, Шемс ад-Дин старательно приближал Тарагая к обители правочности.

Тимур нашел их все там же – под старой раскидистой чинарой. Гордо он поднес отцу сидящую на неокрепшей пока руке тяжелую птицу. Тарагай оценил подарок по достоинству. Еще бы, такой орел стоил очень дорого и мог высоко поднять престиж любой семьи.

– Знатная птица. Теперь любая охота для тебя будет удачной, – похвалил сына Тарагай, но самого его сейчас волновали совсем другие вопросы. Все глубже и глубже уходил он в бездонную пучину религии, – ты, Тимур – мужчина, а у мужчины один путь, однако, сынок, не уклоняйся от пути, предначертанного Аллахом и пророком его Мухаммедом.

– Да будет мир над ним и его потомством, – чуть слышно вставил Шемс ад-Дин.

– Укрепляй себя пятью столпами ислама: верой, молитвой, постом, пожертвованием и хаджем, – продолжал отец, – и тогда любая охота, любое начинание твое будет успешным.

– Держись за исламскую веру, она убережет тебя, – продолжил духовник Тарагая. Он видел в Тимуре полную противоположность его отца. Он давно приметил в мальчишке не по годам растущие силу, твердость, напористость, пылкость и любознательность. Шемс ад-Дин видел в молодом Тимуре будущего имама.

Шейх Шемс ад-Дин Кулаль собрался уходить. Близилось время молитвы, а до Кеша было добрых полчаса езды. Он пригласил с собой и Тарагая. Тот часто посещал мечеть. Вождь барласов чувствовал себя там лучше, чем среди воинов своего племени. Он подолгу проводил в беседах с духовными учителями и старался приобщить к этим беседам и Тимура. Сейчас он предложил сыну поселить подаренного орла в амбаре и присоединиться к ним с Шемс ад-Дином. Оседлали коней.

В небольшом дворике городской мечети уже собрались имамы, сейиды, муэдзины. Перебирая в руках четки, они сидели на небольших шерстяных ковриках, читали Коран и беседовали между собой. Завидев шейха и его приятелей, присутствующие с благородным почтением, слегка склоняя в поклоне головы, приветствовали вошедших.

Тарагай никогда не обременял Тимура разговорами взрослых, дабы не заронить в душу ребенка неприязнь к долгим монотонным беседам. Он оставлял его в атмосфере богослужения наедине с собой. Тимур и сам не стремился утонуть в море народа, наводнявшего дом Аллаха. Он располагался на задворках, там, где прихожане снимали обувь. Он оставался в стороне ото всех, наблюдая за пришедшими. Здесь люди становились совсем не такими, как за стенами мечети. Сквозь все их естество невидимым эфиром в атмосферу внутреннего дворика мечети просачивалось тщательно скрываемое, некое подобострастное трепетание перед высшей силой Аллаха. Все эти люди, держась друг перед другом с достоинством, соблюдая определенную дистанцию сословий, считали себя детьми Всевышнего.

Тимуру нравилась особая атмосфера мечети, и он, всякий раз приходя сюда, забывал о своих боевых планах, мирских сражениях, охоте. Он растворялся в размеренности времени, слушал Коран, размышлял о смысле земной жизни. Шемс ад-Дин наблюдал за ним. Тимур выросл, и шейх старался завладеть его вниманием, дабы тот навсегда остался на служ-

бе у Аллаха. Однако втайне молодой Тимур не разделял планов Шемс ад-Дина, как не разделял и его стремления служить Аллаху, хотя молился он усердно и молитва приносила ему наслаждение.

Сейчас он сидел в стороне ото всех и наблюдал. Его взгляд коснулся седобородого старца с тусклыми уставшими глазами. Это был шейх Заинуддин-Абубекер Тайбадский. Мудрый, справедливый он пользовался уважением не только у прихожан, но и у всей духовной знати. Его советы помогали многим. Его благословения вдохновляли. Среди духовных отцов, кому Тимур мог бы доверить сокровенные тайны своей души, был именно Заинуддин-Абубекер. Он учил Тимура быть беспристрастным и ко всем относиться одинаково. Он учил его строго сохранять заветы веры, подавать милостыню бедным. «В праведности – сила», – наставлял Тимура Заинуддин.

Тимур лежал на крыше, на этой плоской с перилами крыше своего дома. Сегодня мысли его роились вокруг веры. В сознании то всплывали картины последнего посещения мечети, то вдруг Тимура охватывало мучительное чувство стыда, что все свое свободное время он отдавал охоте, играм в сражения, что в общении с друзьями он забывал об общении с Аллахом. Тимур терзался тем, что духовник ждал от него непосильного. От этого становилось еще мучительней, и лицо наполнялось нестерпимым жаром стыда. Сегодня, уединившись на крыше отчего дома, Тимур решил, да, он твердо решил всецело окунуться в религию. Нужны ли эти бессмысленные битвы в шахматы, эти игры в мяч?...

Теперь Тимур чаще проводил время в мечети, где слушал старейшин, учил наизусть стихи Корана, постигал мудрость, ниспосланную на землю Всевышним. Но все же, когда он вновь оказывался на его родной крыше, он неизменно видел себя впереди большого войска – его войска, и в этом войске царили справедливость и благородство.

Все чаще в стенах родительского дома Тимур проводил время в одиночестве. Он становился старше, и Тарагай стал позволять себе в течение нескольких дней пребывать в монастыре, где находил душе покой и умиротворение. Хотя порой и Тимур оставался вместе с отцом на ночлег в обители.

Долгими вечерами он сидел чуть поодаль от мирно разговаривающих отца и шейха Шемс ад-Дина Кулала. Он наблюдал за размеренностью жизни в богоугодных стенах. Иногда он подходил к беседующим и, чувствуя себя полноправным собеседником, вливался в разговор. Тимуру нравилась размеренная неспешная речь шейха, его увлекательное философствование о смысле земной жизни.

Но сегодня Тимур не решался приблизиться и на шаг к увлеченно беседующим отцу и его духовнику. Он по привычке сидел поодаль. Казалось, Тарагай и Шемс ад-Дин не замечали его. Тарагай сейчас походил больше на мальчишку, нежели на эмира барласов. Он внимал наставительному тону шейха, словно жаждущий знаний ученик внимает словам своего учителя.

Тимур наблюдал, как отец что-то с жаром объяснял Шемс ад-Дину, как тот одобрительно кивал. Они говорили довольно долго. В монотонном течении время для Тимура словно остановилось. Все чаще в оживленный диалог Тарагая и Шемс ад-Дина закрадывались паузы. Они становились все напряженнее, все длиннее. Наконец, оба смолкли. Но в этом затянувшемся молчании читалось единство мыслей, какое возникает у людей при полном единении взглядов и решений.

Паузу прервал Тарагай. Повернувшись в сторону Тимура, а Тарагай знал излюбленное место сына, он подозвал его к себе еле уловимым жестом.

– Сын мой, ты уже взрослый, тебе исполнилось семнадцать, – торжественно и тихо произнес Тарагай, когда Тимур присоединился к их с Шемс ад-Дином компании, – сегодня настал тот день, когда мне необходимо поведать тебе об очень важном решении, – он пристально посмотрел на сына, – это решение зрело долго, трудно, не скрою, уважаемый Шемс ад-Дин помог мне его принять. Сын, я вождь барласов, а это значит, что от семени предков – я воин. Но так уж случилось, что сердцем моим правит душа. Она диктует ему свои переживания. Моя душа страдает от тягот мирской суеты, ей хочется уединения. Для нее непомерно бремя, которое несет она в земной жизни. Чтобы облегчить страдания моей души, я решил удалиться от мирских дел. Я оставляю племя и ухожу в частную жизнь. Я уже знаю, кому доверю возглавить барласов. Им станет известный тебе Хаджи Барлас. Да, у него мрачный характер и взрывной нрав, он подозрителен и жесток, но иного приемника моих дел я не нашел. Тебе же, мой сын, я советую поступить на службу к эмиру Казгану.

Глава IV

1

Сегодня шел дождь, проливной, холодный. Большая рваная туча, туго набитая сизым ватным туманом, принесла его со стороны священного Кайласа. Дожди большая редкость в высокогорьях Тибета, но Марпата любил дожди. Потому, когда первые капли окропили землю, он устроился под широким навесом, перед входом в монастырские владения. Там, в многочисленных скальных лабиринтах, скрывались от лишних глаз монашеские кельи. За несколько лет, что провел Марпата в стенах монастыря, он ориентировался в этих путаных переходах даже в темноте. Он уходил в глубину пещерных коридоров, где все еще жил старый монах Тенчиг. Старец почти не передвигался. Его беззубый рот едва выговаривал слова. Но Марпату влекла к старику сила его духа, которая, просачиваясь сквозь телесную оболочку, заполняла собой все пространство кельи. Соприкасаясь с незримым внутренним миром старого монаха, Марпата постигал и свой собственный незримый внутренний мир. Он мог проводить здесь часы, но, когда шел дождь, его неукротимо влекло под навес. В это время, глядя, как небо дарит земле животворящую влагу, Марпата углублялся в себя. Сейчас он думал о

тех первых днях, когда отец привел его сюда. С тех пор прошло много лет. Нет, не два года, а значительно больше, но он ни разу не пожалел о своем приходе и ни дня не забывал о причине своего пребывания здесь. Напротив, теперь, в своих повзрослевших снах, он не только постигал город своей мечты, он знал, каким путем надлежит ему добираться туда. Он шел через Великую степь, через барханные пески, преодолевая и равнинные извилистые реки, и жаркую безбрежную пустыню. Но с пробуждением Марпата вновь находил себя в скальной келье, где пахло ячьим жиром и отсыревшей соломенной рогожей. Он был уже не пятилетним несмышленным ребенком, который не мог объяснить своей тяги к незнакомой земле. Теперь ему было почти пятнадцать, и он осмысленно понимал свои устремления. Все эти годы лама Чинробнобо был рядом с ним. Он стал ему не только учителем. Марпата почитал его и любил, как родного отца. Лама многому научил юношу за эти годы. Марпата долго, не один год, трудился над осознанием своего духа. Это пришло не сразу, не вдруг. Он и по сей день не мог объяснить, как дух проявился в нем. словно невидимые почки молодой весенней поросли, спавшей до срока, его дух не выдавал себя ничем, но с приходом поры пробуждения все изменилось в одночасье: почки лопнули, и дух, словно молодой лист, робкий, но от рождения наделенный великой силою, явился миру. С этого мгновения Марпата ощутил в себе неисчерпаемый источник силы, который всегда присутствовал в нем, но был

спрятан глубоко и надежно. Вместе с этим к Марпате пришла и уверенность в том, чем он должен заниматься. Всякий раз, когда его одолевали сомнения, он шел к Ламе, и всякий раз лама Чинробнобо развеивал их...

Дождь все шел и шел. Глядя на упругие серебряные струи, что словно нити сшивали две стихии, Марпата вспомнил день, когда однажды учитель позвал его к себе. Он усадил ученика напротив себя и долго на него смотрел. Лама смотрел так, словно тот должен был понимать его без слов. Наконец, когда пауза стала для Марпаты почти невыносимой, Чинробнобо произнес: «Сегодня я углублялся в летопись Акаши. Надеюсь, ты помнишь, что Акаша – нечто, заполняющее пространство всех видимых и невидимых миров, это нечто, порождающее все остальное. Надеюсь, ты помнишь, что летопись Акаши хранит все, когда-либо происходящее во всех видимых или невидимых мирах, все, что происходило либо будет происходить с каждым из нас. Так вот, в летописи Акаши я проследил твой земной путь, – лама вновь испытующе посмотрел на Марпату, – не все могу тебе сейчас сказать, тому не пришло время, но пока поведаю одно: ты прав, что ищешь тот далекий город. Он существует, и будущее твое там. Но прежде чем ты отправишься туда, тебе предстоит многому научиться». И почему Марпата вспомнил сейчас эти слова учителя?

Кто-то обнял его за плечи. Марпата оглянулся. Позади него стоял Лама. Дождь почти закончился, и сквозь распол-

зающуюся тучу протиснулся робкий солнечный луч.

– Я жду тебя, – Чинробнобо по-отечески потрепал Марпату по плечу, – а ты замечтался здесь. Пришла пора занятий. Мы не можем растрачивать время понапрасну.

Узнавая в Марпате не только прилежного, но и способного ученика, лама научил его видеть людей, но видеть не тем, обычным для людей зрением, а иным, позволяющим зреть человека изнутри и не только телесно, осязаемо, но и тонко чувствовать его внутренний мир. Марпата был благодарен за это ламе, поскольку эти навыки облегчали ему и взаимопонимание с учителем.

Кроме этого Чинробнобо учил Марпату искусству врачевания. Часто они с рассветом уходили в горы. До заката, блуждая по горным тропам, отыскивали целебные травы.

– Настанет время, – говорил Чинробнобо Марпате, – и ты навсегда покинешь стены монастыря. Ты уйдешь в другую, неведомую тебе пока жизнь. Но ты должен быть готов к ней. Ведь ты сам выбрал ее. И знания врачевания пригодятся тебе.

Там, в горах, Чинробнобо терпеливо рассказывал Марпате о целебных свойствах трав, о том, как сохранить их чудодейственную силу надолго. Марпата с учителем любили приходить к небольшому горному озеру. Его зеркальная гладь всегда была скрыта от глаз путников покрывалом, сотканным из водяной гречихи. Ее розовые подводные соцветия, проглядывая сквозь хрустальную прозрачность воды, ожив-

ляли ажурный узор остролистного ковра. Марпата уже знал, что водяная гречиха с давних времен служила людям незаменимым средством при холере.

Лама открыл для Марпаты многие свойства целебных трав, но почему-то особое внимание учитель уделял травам, которые способны были излечивать холеру и чуму. Марпата не спрашивал его о том. Его пытливый ум жадно вбирал в себя все, чему учил его Чинробнобо.

С детских лет Марпата тяготел душой к тому невзрачному скальному строению на задворках монастыря, где монахи хранили камни. Только теперь, спустя годы, он смог приходить сюда не ради праздного любопытства. Теперь Марпата приходил сюда с учителем, и тот всякий раз открывал ему новые и новые тайны. Оказывается, камни – живые, и способны врачевать многие недуги. Марпата узнал, что при неумелом, или, напротив, умелом, обращении с ними камни способны разрушать и губить. Чинробнобо остерегал своего ученика от необдуманных поступков. Рассказывая юноше о дурных свойствах камней, он всякий раз призывал Марпату к благородству, дальновидности и мудрости.

Постепенно, год за годом, Марпата впитал в себя столько, что вполне владел лекарским ремеслом. Однако Чинробнобо неустанно повторял своему ученику, что земные навыки врачевания ничего не будут значить, если не коснется их фибрами своими душа, если дух не вдохнет в них силу, способную противостоять болезни, не заставит услышать музы-

ку жизни и возродиться.

Ночью Марпате не спалось. Одолевали мысли. Неутомимыми пчелами роились они вокруг его обостренного сознания. Влетая в голову, словно в улей, проносясь по закоулкам его ума, мысли стремительно улетали прочь, уступая место новым. Но что-то неизменно присутствовало в его сознании. Что-то, чему Марпата никак не находил объяснения. Это «что-то», касаясь души, порождало уверенность и осознание истинности, но это «что-то» своей мощью не позволяло шальным мыслям касаться его. Это было непонятно. Это волновало Марпату. Едва дождавшись рассвета, Марпата пришел в келью учителя.

Он застал Чинробнобо за трапезой. Лама неторопливо вкушал только что приготовленную тсампу. Он пригласил Марпату разделить с ним завтрак, но юноша отказался. От бессонной ночи глаза его воспалились и смотрели на наставника сквозь белесую пелену тумана.

Сбиваясь в словах, ибо Марпата не находил подходящих слов, он поведал Ламе о пережитом ночью. Он обеспокоено смотрел на учителя. Марпата не заметил, что Чинробнобо давно отставил недоеденную тсампу и с интересом взирал на своего ученика. Выслушав сбивчивый рассказ юноши, лама оживился. В уголках его мудрых глаз поселилась довольная улыбка.

– Ты делаешь успехи, мой мальчик, – лама встал и одобрительно обнял Марпату за плечи, – этой ночью ты постиг Неречённое...

Марпата непонимающе смотрел на Чинробнобо. Учитель поведал ему о многом, но об этом за все годы он не обмолвился ни словом. Но что такое – «Неречённое»? Дабы превратиться в ответ, робкий, настороженный, еще не знающий твердой опоры, вопрос в глазах Марпаты стремился вырваться наружу. Учитель заметил сейчас это новое, зарождающееся в его ученике состояние.

– Да, пришло время посвятить тебя и в это, – лама заговорил еле слышно, но твердо и уверенно, – я молчал потому, что к Неречённому трудно подобрать слова. Они и не нужны, пока ты сам не осознаешь Неречённое в себе. Ты, Марпата, научился мыслить. Я горжусь тобой. Ты мой самый способный ученик, но тебе еще только предстоит освоить другое искусство. Вздохни о Неречённом, и ты станешь другим, новым человеком. Этот вздох перенесет тебя в безмерность. Он обновит твое сознание. Ты сможешь изменять события, которые многим будут казаться неизменяемыми. Но я открою тебе и величайший закон Мироздания: все это должно быть добровольным. Никто не сможет побудить тебя, если ты сам будешь этому противиться. Неречённое, воспарив над словами, обратит материю в дух. Где будут бессмысленны стремления и побуждения, где исчерпает себя воля, там единый вздох о Неречённом позволит изменить ход событий. Это не

мои слова. Это – мудрость и знания древних, пришедшие к нам из глубины столетий. Пока все сказанное мной кажется тебе невозможным, но сегодня ты почувствовал, как Неречённое живет в тебе, а значит, пришло время выпустить его наружу.

Марпата шел от Ламы, задумчиво глядя себе под ноги. Сколько лет наставник учил его думать, а теперь он предлагал Марпате отказаться от мыслей вовсе. Неречённое...

Сотканные из постоянных занятий, дополненные беседами с Ламой, дни пролетали один за другим, словно стаи перелетных птиц. Оглядываясь на них, Марпата изумлялся тому, как много осталось позади: его родители, которых он не видел столько лет, первые открытия и череда нескончаемых снов, которые каждый раз возвращали его в незнакомый город, ради которого он пришел в монастырь, и, наконец, он сам – тот маленький мальчик, лишь способный откликаться на зов своего непознанного духа. Теперь, спустя годы, возмужавший Марпата смотрел на мир по-иному. Он многому научился в монастыре. Он ощущал под собой земную твердь, ибо тело его было натренировано. Разум Марпаты пребывал в спокойствии, а дух его, осознанный, сильный, – в гармонии с сознанием.

Оглядываясь назад, Марпата видел широкую бездонную пропасть между его прошлым и настоящим. Но, чем больше он задумывался над этим, тем явственнее ширилась эта пропасть. Чем больше Марпата узнавал, тем чаще ему казалось, что знания его не значительнее капли в безбрежном океане бытия.

Когда он делился своими переживаниями с Чинробнобо, тот лишь еле заметно улыбался в ответ. Это не успокаивало Марпату, и от этой обеспокоенности хотелось ощутить себя

сильнее, хотелось постигать новое.

Сегодня опять Марпату одолевали сомнения. Ему казалось, что он ничтожно мал и беспомощен, и все, чему он учился, чего он достиг, не стоит и горсти прелого овса.

Неразумно было обременять своими переживаниями учителя всякий раз. Марпата уединился в маленьком сарайчике, где хранились камни. Он любил бывать здесь. Он знал все свойства этих безмолвных обитателей земли. Ему нравилось разглядывать камни, держать их в руках, согревая своим теплом. Но сегодня Марпате нужен был коричневый агат. Да, именно коричневый! Не зеленый, не красный, а коричневый! Он лежал отдельно от других камней в маленьком кожаном мешочке, шитым ячьими жилами. Это Марпата положил его так, чтобы в нужный момент его было легко найти. Он не раз испытал на себе, как коричневый агат избавлял его от неуверенности, как после общения с камнем его умственные способности повышались, а сам он постепенно успокаивался. За этим занятием Чинробнобо и застал юношу.

– Я искал тебя повсюду, – с некоторой укоризной проговорил Лама. Он любил своего ученика и не меньше, чем тот, нуждался в его обществе. Обычно в голосе Ламы не было укоризненных ноток, но сегодня они звучали, и Марпата не ошибался, – я пришел поговорить с тобой, друг мой. Я долго думал. За это время я не раз заглядывал в летопись Акаши и пришел к выводу – время твое пришло. Годы, проведенные в монастыре, не пропали даром. Ты славно потрудился, и те-

перь, с ценным багажом усвоенных знаний, ты должен идти туда, куда влечет тебя твой Дух.

Именно сейчас, когда Марпата ощущал себя ничтожно слабым, он не ожидал услышать от учителя этих слов. Их смысл не сразу дошел до сознания юноши, но, когда он все-таки понял, о чем говорил ему Чинробнобо, им овладело смятение. Он все еще держал в руке коричневый агат, но тот не справлялся с нахлынувшими эмоциями Марпаты.

Словно раскат грома, словно горная лавина обрушились на Марпату слова наставника. Он так долго ждал этих слов. И вот сейчас он был к ним не готов, а лама Чинробнобо словно не замечал смятения своего выросшего ученика:

– Где бы ты ни был, какие бы испытания не возникали у тебя на пути, ты должен помнить, что ты – Человек, – на слове человек учитель сделал акцент, – и создан Всевышним, как и все люди на этой планете, для великих дел в Вечности, а именно, быть помощником Творцу и управлять Мирами. Такое предназначения накладывает на человека большую ответственность, но вряд ли люди на Земле понимают это. Кто из них задумывался о смысле и предназначении земной жизни? Могу тебе сказать, что почти никто. И вот в такой мир ты должен будешь отправиться, когда покинешь стены монастыря. В том мире тебя будет окружать много зла и несправедливости. Прошу тебя, мой мальчик, не заразись этой очень опасной болезнью, не поддайся соблазнам, не дай твоему Духу пасть низко, ибо это может принести тебе поги-

бель. Не трать силы на внешние напраслины. Смотри внутрь себя. После того, как ты много узнал и понял, ты просто обязан совершенствовать свое внутреннее «я». На твоём пути будут трудности и соблазны. Ты встретишься с ними уже скоро, но главная твоя цель в этом мире – не упасть, а, напротив, подняться в своём Духе. Запомни, Марпата, чем выше становится твой Дух, тем сильнее твоя связь с Творцом. Только возвышаясь духовно, ты сможешь обрести высокое Сознание, иными словами, знание, дарованное Создателем, а значит, сможешь самостоятельно принимать правильные решения и делать верный выбор между Добром и Злом. – Чинробнобо сделал паузу, и, вздохнув, продолжил: – Вот я и преподал тебе последний урок в стенах нашей тихой обители. Может быть, сказанное мной покажется тебе слишком простым, но там, на далекой земле, жизнь преподнесет тебе более серьезные уроки, а пока, – лама улыбнулся и коснулся плеча Марпаты, – собирайся, мой мальчик. Как только ты будешь готов отправиться в путь, я провожу тебя до Лхасы.

Глава V

1

Торговый караван отходил от западного рынка Лхасы. Раннее утро, едва разбудив город, умывало его росистой прохладой. Марпата не привык к базарной столичной суете. Его удручали торговцы, туда-сюда снующие с груженными тележками, голоса зазывал, нараспев предлагающих пестроцветье товаров. Но больше всего он страдал от тяжелого густого воздуха, обычного для этих мест. Он впервые приехал в Лхасу, впервые спустился так низко с высокогорий Тибета. Его деревня, затерянная между ущелий где-то на головокружительной высоте, монастырь, в котором он провел многие годы, жили в чистом разреженном горном воздухе. Марпата привык дышать тем воздухом, а сейчас его легкие распирало изнутри. Это причиняло не просто неудобства, это причиняло Марпате боль. Его то и дело душил кашель. Казалось, что вся базарная пыль каким-то невероятным образом оседала в глубинах его организма.

– Со временем это пройдет. Ты привыкнешь дышать низинным воздухом, – успокаивал Марпату Чинробнобо, видя, как мучается ученик. Но лама хорошо понимал, что страдания Марпаты только начались, что ему предстоит спускаться

все ниже и ниже, что воздух будет все гуще и гуще, а город, куда столько лет зовет Марпату его дух, и вовсе расположен в великой низменности, которая низвержена в пропасть. Но этот путь Марпата избрал сам.

Караван, сотканный из множества навьюченных тюками верблюдов, мерно ступал по каменистой тибетской земле. Проводники и торговцы, погонщики и животные, всех соединил он в живой единый организм, направляющийся в богатую солнечную страну Мавераннахр. Там торговцы надеялись выгодно свершить сделки – купить, продать, обменять. Им уже грезился звон монет, которые по дирхему ⁸ собирали они в динары ⁹, чтобы, проверив их вес с точностью до мискаля ¹⁰, с туго набитой мошной возвратиться восвояси. Марпата не разделял алчных интересов торговцев. Его не пленил завораживающий блеск серебряных и золотых монет, которых в Мавераннахре было с избытком. От Чинробнобо он знал, что торговцы едут в эту богатую страну чаще всего, чтобы монетой нажиться на монете. Отсутствие единой монеты позволяло заезжим купцам с молчащей совестью орудовать в Мавераннахре. На одних рынках они скупали высокопробные монеты и продавали их баснословно дорого там, где монеты не отличались качеством драгоценного металла. Этим торговцам Марпата был лишь попутчик. В Мавераннахр он

⁸ Дирхем – денежная единица Мавераннахра. Дирхем равнялся 1/3 мискаля.

⁹ Динар – денежная единица Мавераннахра. Динар весил 2 мискаля.

¹⁰ Мискаль – весовая денежная единица Мавераннахра в XIV веке.

шел лишь за тем, чтобы сменить караван, и уже с новыми, но такими же алчными попутчиками разделить вместе остаток пути.

Живя в высокогорном монастыре, погруженный в постоянные занятия над совершенствованием своего духа, Марпата все же находил время, чтобы разговаривать с Чинробнобо о тех странах, куда ему надлежало отправиться. В беседах с наставником он понял, что Мавераннахр, эта прекрасная, все еще богатая страна находилась сейчас в состоянии совершенной раздробленности, что в ней было несколько крупных владений, которые, никому не подчиняясь, неустанно враждовали друг с другом. Он так же знал, что каждый год приносил Мавераннахру новые неурядицы и положение в стране только ухудшалось. Он знал, что на дорогах Мавераннахра бродячие разбойники нередко грабили беззащитных торговцев и некуда было деться от их кровожадности. Но все же день за днем, шаг за шагом приближали его к этой стране.

Он был молод и силен. В его теле бурлила энергия, неиссякаемый источник которой он черпал с Небес. От рождения он был недюжинно крепок и вынослив. Со временем его высокий рост, широта в плечах и жилистая мускулатура стали вызывать зависть сверстников. Старики, заглядываясь на него, вздыхали, вспоминая свою разудалую юность. Тимур же не замечал ни красоты своего тела, ни молодецкой силы, бурлящей в нем. Он смотрел на мир сухими без блеска глазами, карими, почти черными, взгляд которых перемещался медленно, ленно, а устремившись на собеседника, прожигал его насквозь. С годами его гордый профиль стал напоминать профиль властелина, и если не властелина мира, то властителя многих людей, которые шли за ним безотчетно и безоглядно, как идет стая волков за своим вожаком. Сила его притяжения была непостижима. И невозможно было сопротивляться, находясь в этих дьявольских путах одурманенного сознания. Тимур был справедлив с теми, кто шел за ним. Он был благороден той мерой благородства, какая бывает присуща вожаку хищной стаи. Но Тимур был беден. И хлеб насущный он добывал себе в стремительных жестоких набегах и грабежах. Никому не было пощады в тех хладнокровных схватках: ни безоружным мирным жителям, ни отарам овец, безмятежно пасущимся на пастбищах, ни одино-

ко бредущим путникам, ни богатым торговым караванам. По добыче и дележ. Все честно, все по совести. А там, в складчину пир. И во главе пира Тимур – вожак! Но он не потомок Чингисхана, а значит, имя его не смеет стоять рядом с именами ханов и шейхов. Но люди идут за ним...

Караван ждали три дня. Давно донесли Тимуру, что в скором времени пройдет он здесь. И вот все тимурово войско прибывало в предвкушении легкой наживы. Тимур жаждал завоевания и подчинения его воле. Молодого барласа влек вкус насилия и вкус власти. Это вдохновляло его больше, чем звон награбленных монет, чем разудалое гулянье после головокружительного набега. Все, что ему было нужно, это видеть себя победителем.

Укрылись за холмом в небольшой катальповой рощице. Подрагивая, даль струилась миражами. Множество глаз в ожидании каравана вглядывались в черту вечно недостижимого горизонта. Только ветер, только крик одинокого орла в вышине нарушали первозданную тишину.

Тимур загляделся на свободного гордого хищника. Он парил в небесах одинокой тенью, еле различимой точкой, чтобы сквозь разорванное в клочья мгновение обрушиться на несчастную жертву, повинную лишь в том, что она оказалась в поле его алчного зрения. Птица, тяжело, редко взмахивая крыльями, плыла в воздухе. Тень ее, коснувшись горизонта, принимала все более четкие очертания. «Возможно ли такое», – подумал Тимур, но тень, способная к перевоплоще-

нию, обернулась вдруг едва узнаваемым станом верблюда. Глаз Тимура еще не решался назвать мираж явью, а безотказное чутье подсказывало: «Добыча близка».

Длительный переход из Лхасы в Кеш близился к концу. Марпата устал от утомительных, длиною в световой день, переездов, устал от бесчисленных ночлегов в становищах кочевников. Он, привыкший к высокогорью, с трудом переносил подобное путешествие. Равнинный воздух казался липким и пыльным. Давило грудь. Но все же эти неприятности не мешали Марпате любоваться невиданными ранее земными пейзажами, где совсем другие реки, другие деревья, другие люди. Они росли по-другому, жили по-другому, думали иначе. Марпата вглядывался в новые лица, вслушивался в неведомые ему языки. Все это оседало в душе новым, едва начавшим формироваться взглядом. Этот путь, добрую половину которого он еще не прошел, был первым самостоятельным шагом на пути его новой жизни.

Все чаще встречались пашни и виноградники. Он восхищался абрикосовыми деревьями и цветущими смоковницами. Он дивился неведомому миру, в котором так ярко светило солнце, где так бурно все цвело и благоухало, взлелеянное тем воздухом, который был ему непривычен.

Вдали показались белые купола. Еле различимые, они почти сливались в общей картине созерцания. Сердце Марпаты забилося. Кеш, город, где ему надлежало сменить попутчиков и с новым караваном тронуться в путь. Он уже рисо-

вал в сознании этот переход, в мыслях он торопил время и представлял, как будет въезжать в ворота города, как...

Мысли Марпаты прервал перестук конских копыт. Стремительно приближаясь, он доносился сзади, словно множество скакунов состязалось с ветром. Вот уже всадники окружили караван. Неповоротливые, груженные тяжелыми тюками верблюды остановились, послушные сильным рукам чужаков, взявшим их под уздцы. Погонщики, торговцы... Смятение и хаос охватили караван прежде, чем пришло осознание беды. Преодолев великое расстояние, дойдя почти до цели, быть разграбленными, раздавленными шайкой разбойников! Что могло быть хуже?!

Крик, гиканье и ругань – все смешалось в пронзительный единый вопль расправы. Марпата от неожиданности опешил. Безоружный, не привыкший отвечать насилием на насилие, он, восседая между верблюжьих горбов, растерянно озирался по сторонам, стараясь сообразить, что же делать дальше.

Все произошло, как во сне. Воздух для Марпаты вдруг сделался густым, словно древесная смола, и в этом дрожащем мареве летел на него жаждущий крови всадник. Вороной жилистый конь легко нес его на себе. Длинная струящаяся грива густыми волнами касалась колен седока, сильного рыжеволосого юноши. В смятении мыслей Марпата отметил его недюжинную широту в плечах, его высокий рост. Глядя на несущегося навстречу всадника, фибрами души он ощутил его огромную волю, словно в жерле вулкана клокочущую

в нем жажду крови. Марпата почувствовал ее привкус на губах. Стало жутко. Но каждый мускул словно затвердел в нем, и он, не отдавая себе отчета, пристально смотрел на всадника. С каждым мигом расстояние между ними таяло. Видимо, этот короткий миг пребывал вне общего хода времени, ибо все в нем замедлило свой ход. В этот миг Марпата осознал происходящее, так внезапно обрушившееся на него. Его ужаснувшийся дух всем своим естеством воспротивился кажущейся неизбежности, восстал, погрузив тело Марпаты в оцепенение, отразившись во взгляде всей своей нечеловеческой силой противостояния. Словно наваждение в сознание вплыл голос учителя: «Вздыхни о Неречённом, и ты станешь другим, новым человеком. Этот вздох перенесет тебя в безмерность. Он обновит твое сознание. Ты сможешь изменять события, которые многим будут казаться неизменяемыми».

Тимур заметил взгляд Марпаты. Он был устремлен прямо на него. С каждым мгновением сила его росла. Этот взгляд жег, испепелял душу. Этот взгляд был сильнее Тимура. Захотелось остановиться, свернуть, но по инерции конь нес его навстречу Марпате. И вот конь, подвластный неведомой силе, встал. Неречённое... Их взгляды встретились глаза в глаза, душа в душу. И словно сошлись в поединке, немом, жестоком. Марпата ощутил на себе тяжелое дыхание всадника.

Тимур не мог совладать со взглядом Марпаты. Он проникал в глубь его естества, больно ранив сердце, выжигая уверенность, иссушивая превосходство. Взгляд Марпаты обез-

оруживал. Тимур впервые почувствовал свою слабость.

Они смотрели друг на друга сквозь марево источаемых друг другом флюидов. Бурей неосязаемых эмоций сошлись они в немом поединке – горячая энергия Марпаты и холод Тимура, тонкой еле уловимой струйкой испаряющийся в небеса.

Рука Тимура взвилась вверх. То был знак его воинам. Конь, не привыкший отступать, сделал шаг назад. Но глаза Тимура неотрывно смотрели на Марпату.

– Довольно, назад! Не трогать караван... – дождем пролился над землей зычный глас Тимура. – Уходим! – Но невозможно оторвать взгляд, пока этот взгляд сам не отпустит его. Этот взгляд Тимур запомнит навсегда. Взгляд, который сейчас был сильнее него, который заставил его отступить. Тимур был побежден. В этот миг он сказал себе, что больше никогда не допустит собственной слабости.

Это мгновение, впитав в себя все произошедшее, вновь вернуло Марпату к реальности. Он увидел, как разбойники, повинаясь приказу вожака, отступили, и словно услышал облегченный вздох каждого, кто шел с караваном в Кеш. Беда отступила. Густой, давящий грудь воздух редел. Марпата впервые за многие дни пути облегченно вздохнул полной грудью.

Сегодня Тимур уединился от лишних глаз на излюбленной им крыше родного дома. Он лежал на спине, закинув руки за голову, устремив взгляд в небо. Мысли всецело овладели им, оттого взгляд, свободный от их контроля, вознесся сквозь воздушную невесомость в далекие заоблачные выси, не замечая на своем пути ни бирюзовой голубизны небесного свода, ни легких плывущих облаков, ни птиц.

Тимур пребывал в тяжелых раздумьях, грузом отяжелевших сердце после вчерашнего неудачного набега на торговый караван. Он не мог простить себе той невиданной слабости, которую проявил неожиданно для самого себя. Что это было и почему случилось так, Тимур не понимал. Он отступил перед взглядом обычного путника, идущего с караваном в Кеш. Кем был этот путник? Его глаза Тимур не забудет никогда! Излучающие неведомую силу, они заставили Тимура безотчетно остановиться перед вожаком добычей. Тимур не мог простить себе, что кому-то удалось безмолвно, не прилагая видимых усилий, обратить его силу в немоту. Он не мог допустить этого. Неречённое...

Впервые Тимур ушел, оставив жертву нетронутой, чувствуя спиной, как она, безоружная, оторопевшая от неожиданности и безысходности, ничего не понимающая и не верящая в подобный исход, переводила дух. И, что-то оттуда,

из-за спины, прокралось в самое сердце и поселилось в нем. Это «что-то» Тимур и принес к себе на крышу. От этого «чего-то» он и пытался сейчас избавиться. Взгляд незнакомца преследовал его, касаясь сокровенных струн души, сокрытых, непостижимых, и Тимур начинал сожалеть об этом набеге, жалея ни в чем неповинных людей. Это чувство было незнакомым и неудобным. Тимур пытался избавиться от него, но оно возвращалось с новой силой. Это «что-то» острой занозой застряло в сердце Тимура. Сейчас он желал одного: встретиться с неведомым незнакомцем вновь. И через годы он не забудет этот взгляд. Он сделает все, чтобы победить его!

Тимур искал оправдания в своей бедности, убеждая себя в необходимости совершаемых им набегов и грабежей, но это не помогало. Он старался найти ответ в нелегком положении его родного Мавераннахра, где царили раздробленность и полное неподчинение дому Чагатая, где каждый называл себя султаном, разрывая страну на множество кусков. Чем он, Тимур, был хуже тех беков и ханов? Он грабил людей, пусть то были соседи или случайные путники. Да, грабил! Но он не грабил Мавераннахр! Это для него было свято! Он любил свою страну. Он хотел ей лучшей доли.

Сегодня, в этом вареве сомнений, угрызений совести, страстей, Тимур вдруг осознал, что жаждет своей стране благополучия. Так, может быть, стоит бесчисленные набег, направленные на собственное благо, обратить во благо Маве-

раннахра? И что это за странное чувство овладело им? Всего лишь один взгляд...

Едва забрезжило рассветное солнце, Тимур оседлал коня. Его путь лежал в Кеш. После долгой мучительной ночи, состоящей из обрывков забытья и бессонных раздумий, связующим звеном которых был неотступно всплывающий в сознании взгляд незнакомого путника, Тимур решил обо всем поведать шейху Заинуддину. Ему одному были известны слабости Тимура, лишь ему он мог доверить душевные терзания.

Заинуддин встретил Тимура, как сына. Обняв за плечи, он усадил его перед собой. От его взгляда, теплого, по-отечески доброго, и без объяснений не ускользнула обеспокоенность Тимура.

Тимур не решался говорить духовнику о вчерашних событиях. Он стыдился своей слабости. Он не понимал причины этой слабости. От того становилось нестерпимо унижительно, оттого дух его терял твердость. Тимур пытался разобраться в себе. Но во всем этом вареве душевных переживаний сердце Тимура подсказывало ему, что пришло время направить силу свою во благо Мавераннахра. Сегодня он пришел к Заинуддину просить совета и благословения:

– В этом году султан Кран, сын Саура, причинил много вреда. Он жесток и безжалостен. Все жители Чагатайского улуса, богатые и бедные, знатные и безродные, молят Алла-

ха, чтобы тот ниспослал смерть Крану, – Тимур говорил глухим уверенным голосом, но Заинуддин видел, как нуждается он в поддержке и совете. Заинуддин видел, что в Тимуре зрели новые ростки его будущих деяний.

– Я хочу наказать Крана, – Тимур вскинул на Заинуддина ищущий поддержки взор, – я хочу собрать войско и идти против него. Я хочу видеть Мавераннахр сильным единым государством. Но в деле войны у меня так мало помощников. Мое сословие не столь знатно, чтобы люди шли лишь за моим именем. Я беден. Хотя я многим делал добро. Я надеюсь, это мне поможет. Что скажешь, почтенный Заинуддин? – Тимур испытующе смотрел на духовника.

Заинуддин знал неукротимый нрав Тимура, знал, как в неистовом набеге тот все сметал на своем пути, как быстро и умело мог добыть нужные ему сведения, сплотить вокруг себя людей. Заинуддин знал, как шел за Тимуром народ.

Старец молчал. Он обдумывал сказанное Тимуром, взвешивая на весах мудрости каждое его слово. Заинуддин никогда не говорил Тимуру о том, что, видя сильный характер этого юноши, не только он, многие заглядывали в Коран, гадая на его судьбу. Ответ был един: «Тимур наделен Божьей силой и Божьей волей». Настал срок – и час пробил. Тимур сидел перед старцем, испрашивая благословения на задуманное им дело.

Заинуддин вздохнул. Тяжело опершись на колено, шейх встал и скрылся за низкой резной дверью, плотно прикрыв

ее за собой.

В эти недолгие минуты ожидания Тимур вновь испытал то чувство неуверенности и слабости духа, которое все еще не отпускало его после вчерашнего неудачного набег на иноземный караван. Он задумался, и взгляд незнакомца, поразивший его, вновь предстал перед глазами, застилая собой все. Сейчас лишь Заинуддин способен был разрушить это влияние.

Вскоре, на облегчение Тимуру, его духовник вновь возник в проеме двери. Он держал в руках широкий, расшитый золотом пояс.

– Подойди ко мне, – подозвал он Тимура. Торжественно, словно это был ритуал посвящения, Заинуддин препоясал им Тимура. В следующее мгновение шейх достал шапку и плотно посадил ее на голову юноши. Затем он снял с пальца коралловое кольцо и протянул Тимуру:

– Да сохранит тебя этот перстень, сын мой!

Тимур взял массивное тяжелое кольцо. Бережно держа его в руках, внимательно разглядывая подарок, он заметил на внутренней стороне кольца надпись: «рости – расти».

«Если будешь справедлив, во всем встретишь удачу», – перевел он смысл прочитанных слов. Тимур поднял взгляд на Заинуддина. Еле заметная улыбка сквозила на лице духовника.

– Благословляю тебя, Тимур, – Заинуддин сложил перед собой руки, – благословляю тебя во благо Мавераннахра. Ес-

ли будешь справедлив, во всем встретишь удачу. Я буду молиться за тебя, сын мой.

Глава VI

1

Который день выюжил лютень ¹¹, пуржил, бросался в ок-на охапками рассыпчатого колкого снега, навевая на Иоанна мрачные думы.

Скорбел, всем сердцем скорбел великий князь по тысяцкому своему Алексею Хвосту, верному слуге и другу, с которым дышали они единым духом. И вот, словно длань отсекли, словно око выкололи. Вчера нашли Алексея убитым и изувеченным на площади. Ох уж эти вечные боярские склоки! Да только понимал Иоанн, не в склоках дело, а в том, что Алексей Петрович Хвост-Босоволков поплатился за рьяное раденье об освобождении Руси от власти татар! И он, Иоанн, хоть и не в полный голос, а поддерживал тысяцкого и, поперек взглядов отца своего Ивана Калиты и старшего брата Симеона, всем сердцем стремился к миру с Литвой, противясь «рабскому подчинению татарам». Не стало Хвоста, и словно твердь земную вышибли из-под ног Иоанна. Один он оставался в чаяниях своих.

«Да, тяжела ныне власть, — вздыхал князь, — беспорядки

¹¹ Лютень — февраль (*старославянское*).

кругом, смутьяны. Трудна доля. Во все времена Москва покорностью славилась да любовью к государям своим. Почто мне, сыну Калиты, который умел властью распорядиться, который прочно держал всех и вся, так непросто дается княжение? Почто?!»

Массивная дубовая дверь, натужно кряхтя застывшими от мороза петлями что-то невнятно проворчав, тяжело отворилась, впуская в княжьи покои вместе с Андреем Троицким морозный ветреный дух.

Недоброе поежился великий князь. Едва взглянув на своего подданного, понял он, худые вести принес ему Троицкий. Вот только с какой стороны подвоха ждать? Кто из князей готовит ему западню?

– Княже, – с порога обрушился на Иоанна Троицкий, – убит хан Джанибек... по пути из Тебриза в Сарай ал-Джедид, убит Тоглу-баем. Но, по всему, сын его, Бердибек, не последний в том деле человек. Слух идет, давно он жаждал смерти отца.

Ни для кого не было тайной, что последнее время хан Джанибек сильно болел, непроходящими хворями своими обнадеживая наследников скорым концом. Все же Провидение открыло перед Джанибеком золотую карту, и он быстро пошел на поправку. Но там, где милостива длань Всевышнего, коварна рука недруга.

Не ожидал Иоанн такого поворота в Улуг-Улусе. Давно был он наслышан о крутом и злом норове Бердибека. Вла-

столюбивый и жестокий, теперь он по-иному заставил Иоанна посмотреть на будущее Московского Княжества.

– Это еще не все, княже, – Троицкий, теребя шапку, запинаясь от волнения, продолжал рушить на Иоанна одну весть за другой, – баскак ¹² Кошак требует от тебя немедленной с ним аудиенции.

¹² Баскак (баскаки) – наместники – послы, которые вместе с военными отрядами направлялись Ордой на Русь для наблюдения. Русские князья у себя дома должны были через них согласовывать все дела.

Иоанн II, великий князь вассального московского княжества Улуг-Улуса, стоял, склонив голову в покорном поклоне, пред восседающим перед ним баскаком Кошаком. На этот раз посол был короток в речах с московским князем. Иоанн уловил в интонации баскака изменившееся настроение. В голосе Кошака благожелательность и добродушие Джанибека сменились вдруг твердостью и алчностью Бердибека.

– Я должен сообщить тебе, – баскак несколько надменно смотрел на Иоанна, – что Султан Джалал ад-Дин Махмуд¹³ почил вечным сном. Отныне ханом провозглашен сын его, Султан Мухаммад¹⁴.

Тому, что вместо тюркютских, привычных слуху имен правителей Улуг-Улуса Иоанн услышал витиеватые мусульманские имена, князь ничуть не удивился. Начиная с Узбек-хана все золотоордынские ханы принимали ислам и наряду с тюркютскими именами носили имена мусульманские.

Как это часто бывает при осознании столь важных известий, мысли в голове Иоанна сменяли одна другую, не успев родиться: «Ханская власть при Узбеке была достаточно сильной. Тогда не только в татарах, и на Руси ощущали его единовластие, тогда росли новые города. Сарай ал-Дже-

¹³ Султан Джалал ад-Дин Махмуд – второе имя хана Джанибека.

¹⁴ Султан Мухаммад – второе имя хана Бердибека.

дид ¹⁵ тому пример. Джанибек несколько ослабил эту власть. В Чагатайском улусе и Улусе Джучи султаном стал называться каждый потомок династии Чингисхана. Если это продолжится и при Бердибеке, настанут времена, когда не останется ни одного представителя ветви Джучидов, ведущих свое родство по прямой линии от Бату-хана. Тогда-то и начнется в татарах настоящая замятня. Недалеко то время...»

Сомкнувшись в узкие щелки, взор Кошака сделался вдруг подозрительным, словно баскак уловил княжеское настроение:

– Султан Мухаммад повелевает увеличить выход. Он считает, что это не обременительно для тебя, если, конечно, ты... хочешь править княжеством. Если же нет... Наказание не замедлит себя ждать. Султан Мухаммад благороден, он не допустит несправедливости, но у Султана Мухаммада есть права. Хан, как глава царствующего рода и верховный правитель, имеет право распоряжаться всеми владениями страны, всеми землями, принадлежащими улусам. Ему также принадлежит право убить и оставить в живых своего подчиненного, ибо он – верховный судья. Наконец, хану принадлежит право издавать законы, обязательные для всех его подчиненных, ведь это охраняет устройство и порядок государства. В интересах государства он совсем немного увеличил выхода.

¹⁵ Сарай ал-Джедид – «Новый Сарай» (*арабск.*). Вторая столица золотоордынского государства. Город построен ханом Узбеком в 30-е годы XIV века. Останки города находятся у села Царев Волгоградской области.

Скоро состоится Курултай в честь вступления Султана Мухаммада на ханский престол. К этому времени постарайся выполнить веленное. Тебе надлежит быть на Курултае, дабы засвидетельствовать свое почтение Хану.

Недоверие не покидало Кошака. Да, здесь, на русской земле, он представлял власть хана, власть безграничную, карающую за любое неподчинение, но Кошак знал, что это была уже не та всемогущая власть, коей некогда держали татары Русь.

Еще четверть века назад опустошительными набегами умирляли они любое неповиновение. Сейчас же на Руси, пока шепотом, пока на ухо соседу, начал поговаривать люд о несправедливости власти татар над Русью, о решимости скинуть с русских плеч монгольские путы.

Кошак исподволь чувствовал эти настроения и в князе Иоанне. Татарский баскак понимал, что разорительные былые набеги на русские княжества могут вернуться эхом на их земли, и нужно искать иные пути, дабы оставить в своей зависимости Русский Улус.

Не догадываясь об опасениях Кошака, Иоанн пришел в отчаяние. Он слишком хорошо понимал, что новая дань разорит, погубит Отечество. Не укрыться! Не слукавить! Давно татарские численники изочли всех от мала до велика. На всех наложили выхода. И коль Бердибек так круто повернул, даруги ¹⁶ все просчитают и не замедлят послать данщиков на

¹⁶ Даруги – чиновники, заведующие сбором дани.

Русь. Нужно было искать выход немедленно, сейчас.

Скрипя полозьями, к терему Иоанна Кроткого один за другим подъезжали запряженные в «тройки» сани. Дабы не затягивать дело, порешили князя собраться вместе, единым разумением осмыслить, как не допустить обложение русских княжеств непомерной данью, не пустить по миру бояр, как уберечь казну от разора, не сгубить Отечество. Одну думу думают и муромцы, и рязанцы, и черниговцы, и тверичи.

Тяжел дух в покоях княжьих. Тяжел от всеобщего уныния, от дыхания непомерно взволнованного. Оттаяли в тепле бороды боярские, покраснелись лица. В жарких спорах испарина проступила на лбах. И так загадывают князья и эдак, а все без ответа дума остается. Одно лишь ясно: всем миром надлежит ехать в татары на поклон к Бердибеку. От этого, как от судьбы – не уйти, а уж выхода, скрипя казной, придется собирать. Тяжел дух в покоях княжьих. Тяжело в сердцах у бояр.

Алексий сегодня не многословен. Сидит среди всех, но словно нет его, словно со стороны наблюдает за сетованиями князей да бояр. Он, митрополит Киевский и всея Руси, родившись в Москве более полувека тому назад, всей душой любит эту землю, радеет за нее. В шестьдесят четыре года в нем бурлит родник неиссякаемой энергии. Твердость его характера сочетается с настойчивостью, деликатной, но неот-

ступной. Благодаря уму и полученному образованию, Алексей имеет весомое влияние не только на церковников. Прислушиваясь к его мнению, все русские князья идут к нему за советом. Воспринимаемое как данность, слово Алексея звучит порой весомее, чем слово великого князя.

Иоанн заметил отстраненность митрополита от общих разговоров, которые говоренные-переговоренные, молотые, словно вода в ступе, не по первому кругу переливались из пустого в порожнее. Чувствовал Иоанн, имел Алексей особый взгляд на беду, которую Кошак обрушил на него. Давно держал митрополит в мудрой голове решение, как спасти Русь от татарской алчности, как не допустить разора и нищеты.

...Сквозь настежь распахнутую дверь полутемное от ранних начинающихся сумерек помещение заполнил свежий морозный воздух, вытесняя наружу вместе с тяжелым удушливым духом страсти, сомнения и уныние, только что царившие здесь.

Обезлюдели княжьи покои. Ни с чем разошлись бояре, оставив с глазу на глаз великого князя и митрополита. Не понимал Иоанн спокойствия Алексея. Русь стояла у края пропасти, а он, если не сумеет заплатить дань, – на шаг от смерти. Пока гадал да раздумывал великий князь о невозмутимости митрополита, всякое промелькнуло в голове: дескать, Алексей – церковный человек, а церковников никого писцы татарские не переписывали, стало быть, и данью он не обло-

жен, чего волноваться. Да только сам потом устыдился своих мыслей.

Алексий, испив воды из тяжелой глиняной кружки, подошел к небольшому мутному окну, сквозь которое едва просматривались сумеречные окрестности двора с высоким деревянным забором.

– В горле пересохло, пока судились здесь да рядились, – негромко молвил митрополит, – одно тебе скажу, Иоанн Иоаннович, вместе с тобой и вместе с другими князьями в татары поеду. Буду просить милости Бердибека не повышать выхода.

И вновь устыдился Иоанн своих темных мыслей. Смелое решение брал на себя Алексий, настолько смелое, что и помыслить было трудно. Станет ли Бердибек, уже прозванный за хищность свою Тигром, снисходить до слов русского митрополита?!

– Видно, запоматовал великий князь, – с добродушной иронией упрекнул его Алексий, – а не далее, как летом, хан Джанибек посылал тебе письмо, в коем требовал, чтобы я немедленно приехал в татары, исцелить матушку его – хатунь Тайдулу, а коли не приеду, грозился полонить Русь. Хоть Джанибек и сложил уже голову от руки сына своего, Тайдула еще очень хорошо помнит, как чудесно прозрела. На нее и надеюсь.

Вдруг всплыло в памяти Алексия и то, как собирался он в Орду, и то, как перед отъездом совершил молебен в Успен-

ском соборе, как молил Господа и пресвятую Богородицу о помощи. Вспомнилось, как во время молитвы сама собой загорелась вдруг свеча у гроба святителя Петра, тогда-то и понял Алексей, что это сам Господь благословляет его и посылает добрый знак.

Татары тогда приняли русского митрополита как самого дорогого гостя. Когда препроводили его к ханше, она, умилившись, прослезилась и рассказала ему доверчиво, что видела вещий сон, будто бы пришел к ней сам Святитель в архиерейском облачении, а с ним и тот, чей голос она слышит сейчас.

– Пусть всем, кто прибыл вместе с русским священником, приготовят такие же одежды, какие я видела во сне, – приказала Тайдула своим подданным.

Словно десница Божья управляла тогда Алексием. Он облачился в ризу, что принесли ему по приказу царицы. Из воска той свечи, что так чудесно возгорелась в Успенском соборе (он взял ее с собой в Улуг-Улус), Алексей сделал новую свечу. Таинство исцеления осталось за закрытой дверью покоев царицы, в которых митрополит русский свершил святой молебен Богу, окропив глаза больной святой животворящей водой.

Счастье прозрения достойно оценит лишь тот, кто пребывал во мраке.

– Вот перстень, – митрополит протянул Иоанну правую руку. На среднем пальце красовался усыпанный драгоцен-

ными камнями массивный перстень, – мне подарила его хатунь Тайдула в знак благодарности. Я возьму его с собой на всякий случай как напоминание.

Но не только непомерная дань, наложенная на Русь, не только отъезд в татары волновали сейчас Алексея. Все это было полбеда. Страшился Владыка взглядов князя на власть Улуг-Улуса над Русью. Беспокоило митрополита его негласное, невысказанное противление подчинению татарам. Однако Джанибек доверял Иоанну. В споре за великое княжение хан отдал предпочтение ему. Но Джанибек мертв. А Бердибек ох как коварен!

– Еще вот о чем хочу поговорить с тобой, Иоанн Иоаннович, – решился на откровенность митрополит, – не время сейчас портить отношения с татарами. Повремени, князь. Андрея Босоволкова убили. Некому поддержать тебя в твоих думах. Да и не время...

Проведя бессонную ночь в мыслях об убитом тысяцком, Иоанн и сам начинал понимать, что самое безопасное сейчас для него во всем поддерживать татар, как некогда делали это брат его и отец. Однако тенью в сознание прокрадывался один и тот же вопрос: «Почему Русь ходит под татарами?»

Глава VII

1

Долгие дни пути оставили за спиной Марпаты и родной Тибет, с его исполинскими вершинами горных хребтов, и благодатный Мавераннахр, где в цветущих долинах ублажали глаз бесчисленные виноградники и пастбища. Долгие дни пути приблизили Марпату к другой земле, которая расстелилась до самого окоема необъятной землистой рогожей, коегде прикрытой сейчас островками снега. Редкие немногочисленные деревца, что встречались взору, беспомощно клонились на студеном ветру.

Караван ступал тяжело. От долгого монотонного пути устали не только люди. Верблюды, несшие на своих горбах увесистые тюки, то и дело останавливались, не желая двигаться дальше.

Марпата, привыкший к тибетским холодам, кутался в чубу. Стараясь не обращать внимания на пронизывающий холодный ветер, Марпата в мыслях удалился в те недавние дни, когда его караван вошел в великий Сарай ал-Махруса ¹⁷. Ни-

¹⁷ Сарай ал-Махруса – Дворец Богохранимый, или просто Сарай, – первая столица Золотой Орды, основанная ханом Бату в начале 50-х годов XIII века. (Селитренное городище находится на левом берегу реки Ахтуба у села Селитренное

чего прекраснее Марпата не видел никогда в жизни. Даже на скудном зимнем солнце золотые купола дворцов и мечетей больно слепили глаза, отчего казалось, что город неподвластен ни холодам, ни времени. Раскинувшийся на ровной бескрайней земле Сарай покори́л Марпату. У него кружилась голова от обилия людей, снующих по широким улицам города. Город был так велик, что караван Марпаты в желании своем добраться до нужного базара (а их здесь было великое множество), потратил более полудня пути. Их путь лежал через городские улицы и кварталы ремесленников, сплошь застроенные лавками ювелиров и резчиков по кости, кузнецов и гончаров. Взору Марпаты встречались печи, в которых мастера обжигали посуду, и убогие землянки, где селили бесправных рабов.

Утонченная столичная красота Сарая заставила Марпату забыть о тяжелом воздухе низины, к которому он никак не мог привыкнуть. Изобилие товаров на рынках города — шелк-сырец, атлас, русское полотно, специи, рабы, все смешалось перед взором тибетца и, несмотря на зимний ветер, что бил в лицо ледяными иглами, все время всплывало в сознании.

Сарай порази́л Марпату. Ему так много рассказывал об этом городе Чинробнобо. Но слова оказались бессильны перед его величием.

Сюда со всего света стекались торговые караваны с

несметным множеством товаров, чтобы продолжить свой путь дальше. Караван, с которым шел Марпата, направлялся в Азак, где его, груженного специями и шелком, уже ожидали генуэзские и венецианские торговцы.

Но Азак совсем не интересовал Марпату. Его долгое путешествие должно было закончиться раньше, вернее, совсем скоро, в Хаджи-Тархане, который прельщал людей богатством рынков и дворцов. Однако никто не задерживался на этой земле. Здесь, в этом городе, великий торговый путь ветвился, разводя караваны в разные стороны света. Спешили все, кроме Марпаты, который собирался остаться на этой земле навсегда, но великая степь, раскинувшаяся перед ним, пока еще скрывала от взгляда город его детских снов.

Взору путников открылась река. Раздольная, сильная, сейчас беспомощная, она была скована льдом. Утоптанная множеством человеческих и верблюжьих ног, к берегу тянулась широкая полоса караванного пути. Ранние морозы облегчили людям переправу, превратив водную гладь в ледовую твердь. Правый берег реки, пустынный, обрывистый, смотрел на путников угрюмо. Недружелюбно встречал он торговый караван, осторожно ступающий по замерзшей реке. Марпата изумлялся этой диковинной земле, поражаясь великой дали, которая до самого окоема открылась его взгляду без препятствий и преград.

Наконец, скользкий лед под ногами Марпаты уступил место земле, промерзшей за недолгие, но сильные морозы. Ка-

раван поднялся на нагорный берег. Правая сторона реки была не столь покладиста. Вздыхливая свою твердь, она бугрилась, холмилась, словно старалась избавить взгляд путника от монотонности левобережья.

Усилившийся ветер, остервенело буйствуя в безжизненной степи, выстуженной зимними холодами, злым, колючим дыханием обрушился на путников. Марпата, преодолевая усилия, всмотрелся в окружающую его окрестность. Вдоль унылого пустынного берега тянулась широкая тропа. Запорошенная снегом, смешанным с пылью и высохшей прошлогодней травой, она то почти исчезала из виду, то появлялась вновь. Эта подвластная земным стихиям тропа была частью великого торгового пути, соединяющего между собой многие города.

Взор Марпаты, пробежав вдаль по тропе, вдруг остановился у самого горизонта. Там его ровную черту разрывали обозначившиеся строения. Еще далекие, они уже зрились единым целым. Это был Хаджи-Тархан.

Вскоре Марпата смог разглядеть то, что скрывал от него оком. По мере того, как караван приближался к городу, взору путников открывались многочисленные купола дворцов, мечетей и минаретов Хаджи-Тархана. Красуясь золотыми маковками, они создавали иллюзию множества солнц, сияющих на зимнем, сплошь затянутом облаками небе.

Караван вошел в город и направился к западному рынку. Как показалось Марпате, Сарай своим столичным величием ничуть не умалял красоту Хаджи-Тархана. Золоченые своды его дворцов, замысловатые узоры мозаичных дворцовых стен, широкие улицы, все говорило посетившему город путнику о его не второстепенном значении.

Почти сразу Марпата заметил, что город раскинулся по обоим берегам Итили. Значимая часть Хаджи-Тархана, с его центральными кварталами и многочисленными базарами, находилась на правой стороне реки, левобережье было отдано немногочисленным городским строениям, которые легко просматривались с нагорного берега.

Караван предполагал пробыть в Хаджи-Тархане пару дней. И люди, и животные устали от долгого перехода, сопровождаемого крепкими морозами и пронизывающими ветрами. Кроме того, торговцы намеревались оптом сбыть некоторые товары, дабы облегчить непомерную кладь и вы-

годно набить мошну. Марпате же в эти суровые холода предстояло позаботиться о каком-нибудь мало-мальски подходящем ночлеге. Оставив своего верблюда на пригляд караванщика, он отправился наугад бродить по городу. Однако, прежде чем окунуться в переплетенье многочисленных городских кварталов, Марпате нужно было пройти через весь базар, на который он прибыл вместе с караваном. Это оказалось не так просто. Западный базар Хаджи-Тархана раскинулся довольно широко и вольготно. Его суетная жизнь не затихала и не умолкала даже в эту студеную пору.

Марпата пробирался вдоль плотных рядов торговых лавок, пестрящих изобилием и разнообразием товаров. Шелка и посуда, специи и пушнина, звон монет и клинков, снующие мимо люди. Кто-то больно задел Марпату тяжелым баулом. Нескончаемы торговые ряды. Богатые персидские ковры на сильном морозе похожи на хрупкие соломенные рогожи. Откуда-то доносится аромат восточных специй, их перебивает запах индийских благовоний. От всего этого кружится голова. Заинтересованному человеку и дня мало, чтобы обойти это торговое царство. Марпата, словно в лабиринте, не по первому разу плутает по базарным нескончаемым рядам. Один на другой похожи они друг на друга, как похожи меж собой торговые лавки, покрасневшиеся на морозе лица людей. Хоть и с разных сторон пришли они сюда, все зрятся равно.

Кое-как выбрался Марпата из этой удушливой сутолоки

на базарную площадь. Открытое пространство, избавляя от ощущения замкнутого круга, позволило Марпате вздохнуть чуть свободнее, но, как и торговые ряды, площадь была наводнена людом. Возгласы, голоса зазывал, казалось, стекались сюда со всей округи. Верблюды, лошади, рабы, погонщики, торговцы. Марпата терялся в круговерти лиц. Чтобы быстрее выбраться из этого омута базарных страстей, Марпата решил идти вдоль городской стены. Путь был немного длиннее, но здесь, по крайней мере, не так буйствовала всеобщая толчея. Однако, в затишье от пронизывающего ветра, здесь ютились городские нищие. Не заставив ждать себя, облаченные в ветхие лохмотья, со всех сторон потянулись к Марпате грязные заскорузлые руки.

Взгляд Марпаты упал на старика, безучастно сидящего на земле, на старой истрепанной рогоже. Он беспомощно прислонился к стене и, казалось, замерзал. Марпата подошел к старику и остановился. Нищий медленно поднял на него глаза. Воспаленные и усталые, они казались пустыми. В них сквозил лишь зимний холод и обреченность. Рука убогого дрогнула и нерешительно потянулась к Марпате. Марпата протянул старику серебряную монету.

– Не подскажешь ли, милый человек, – обратился к старику Марпата, – где можно найти ночлег в этом незнакомом мне городе? – Марпата протянул старику еще одну монету. Марпата не понимал, чем убогий нищий привлек его внимание, но ему показалось, что старик даст ему дельный совет.

– Добрый странник, я могу предложить тебе лишь разделить со мной мою землянку, – натужно проскрипел он в ответ, довольный щедрым подаянием. – Я живу на окраине.

Минуя длинные роскошные кварталы знати и зажиточных горожан, старик вывел Марпату на окраину города. Сплошь застроенная глинобитными хибарами и многочисленными землянками, она, спускаясь с холма, тянулась вдоль берега реки длинной широкой полосой. Здесь не было кирпичных строений с дворцовыми сводами и золоченых куполов мечетей. Кварталы бедноты и рабов не были столь многолюдны и привлекательны, как центральные улицы Хаджи-Тархана. Лишь кое-где рядом с убогими жилищами ремесленников-рабов виднелись небольшие кузни с горнами да печи для обжига керамической посуды. Землянка старика приютилась у самой окраины города, ближе к реке. Оттого ветер здесь пронизывал насквозь и тело, и душу.

Низкая неглубокая землянка встретила Марпату недружелюбно. Ее промерзшее нутро разве что защищало от ветра, не давая надежды согреться. Старик запалил лучину, и скудное пламя осветило жилище. Земляные нары, с расстеленной на них старой дырявой рогожей, подобие низкого стола, сколоченного из неотесанных трухлявых досок, на нем глиняная миска да очаг – вот и все нехитрое убранство бедняцкой халупы.

Марпата никогда не знал роскоши. В доме его родителей, а особенно в монастыре, ему приходилось испытывать

неудобства. Чинробнобо научил его не бояться холода и спать на голой земле, завернувшись лишь в монашескую мантию, но убожество землянки заставило его сердце сжаться. Однако усталость после дальней дороги напоминала о себе все настойчивее. Заметив, что Марпата едва держится на ногах, старик предложил ему свое ложе. Видя немощность старика, Марпата отказался. Как в былые времена, он лег на земляной пол около потухшего очага, завернулся в чубу и уснул. В его беспокойном сне ему виделись то бесконечные лабиринты базарных рядов, то учитель Чинробнобо, то доносился до слуха беспрестанный кашель старика. Холод, казавшийся вечером не таким коварным, теперь лихорадочным ознобом все ближе подбирался к телу. Окончательно продрогнув, Марпата проснулся. Старик все время кашлял. Было видно, что это доставляло ему мучения. Слушая старческое кряхтение, Марпата вспомнил свой долгий переход с караваном. Шаг за шагом, день за днем он шел к своей мечте. Он дошел до нее. Но пока этот город оставался мечтой, он казался Марпате необычным, сказочным. Теперь, проведя в нем первую ночь, Марпата видел этот город другим. Он начал понимать, что здесь также живут люди со своими повседневными заботами и нелегкими судьбами. Некогда они казались Марпате нереальными, какими кажутся теперь далекий Тибет, его родной монастырь и учитель Чинробнобо.

Охая и кряхтя, старик встал и развел очаг. От отсыревших досок помещение наполнилось дымом, но от слабого пламе-

ни пошло тепло. Марпата сел и протянул руки к огню. Чтобы отогреть замерзшую воду, старик поставил миску рядом с очагом. Он вытащил из-за пазухи краюху черного хлеба, разломил пополам и протянул Марпате.

– Поешь, мил-человек, – натужно проскрипел старик. От тепла человеческого тела хлеб был теплым. Марпата изрядно проголодался, и эта сморщенная краюха показалась ему необычайно вкусной, но все же он ощутил горьковатый привкус травы и песок, хрустящий на зубах.

Вода в миске немного оттаяла. Ее вполне хватило по глотку и Марпате, и старику. Чтобы хоть немного согреть свои окоченевшие тела, они расположились около неуверенно горящего очага.

В тусклом свете огня Марпата разглядел лицо старца, по которому пролегли глубокие неизгладимые морщины. По покрасневшие веки его ввалившихся глаз выдавали болезненность. Исподволь разглядывая нищего, Марпата думал о том, что он не мог злоупотреблять радушием старика, который разделил с ним последний кусок хлеба. Он поблагодарил его за приют и решил, что пойдет искать себе какую-нибудь каморку.

– Ты был добр ко мне, мил-человек, – вздохнул старик, прощаясь с Марпатой, – мне никто и никогда не подавал таких больших денег. Если тебе не удастся подыскать подходящее жилье, возвращайся сюда. Моя землянка хоть и убогая, но защищает от сильных ветров и холодов.

Весь день Марпата провел в поисках жилья. С утра до вечера он бродил по городу, но ни в богатых кварталах, ни на улицах простых горожан он не нашел подходящего жилья. Вернее, тех денег, что остались у него за душой, не хватало, чтобы оплатить даже маленькую лачугу. Он попробовал наняться на работу, но не каждый рисковал связываться с иноземцем. Если кто-то и решался взять его в работники, то за столь мизерную оплату, что он едва бы отрабатывал еду, которую предоставлял ему хозяин, все больше втягиваясь в кабалу. Проведя в поисках целый день, Марпата, удрученный, вернулся в землянку старика. Ему показалось, старик обрадовался его возвращению. Марпата принес пищу. Греясь у очага, они ели мягкий лаваш, запивая кумысом.

— Как зовут тебя, мил-человек? — в глазах старика блеснули теплые искорки, — откуда ты?

Марпата рассказал старику и о родной тибетской деревне, и о том, как отец привел его в монастырь. Он рассказал ему про ламу Чинробнобо и про долгий переход из Лхасы в Хаджи-Тархан. Язык Марпата начал учить, еще живя в монастыре. За время своего долгого перехода из Лхасы в ханство кыпчаков он немного исправил тибетский акцент, так что в общем говорил сносно и понятно.

Старик слушал Марпату с нескрываемым интересом. Он восхищался далекими землями, про которые рассказывал ему Марпата, он дивился тому, что так далеко тоже живут люди, и эти люди такие же, как и здесь, в Хаджи-Тархане.

– Я ведь тоже не всегда был нищим, – тяжело вздохнул старик, – и не всегда был одинок. Пятнадцать лет тому назад у меня было ремесло, дом, жена и четверо детей – три сына и дочка. Но Всевышний послал нам суровое испытание. В 6851 году от Сотворения мира ¹⁸, в Хаджи-Тархан пришла черная смерть ¹⁹ и наслала на людей великий мор. Вымирали целые кварталы. Черная смерть не щадила ни бедных, ни богатых. Беда пришла и в наш дом. В течение нескольких дней я потерял всю свою семью. Я не был одинок в своем горе, хотя в живых нас осталось так мало, что некому было хоронить умерших. Но я похоронил близких на кладбище. Я покажу тебе их могилы. Не знаю почему, но черная смерть не коснулась меня. Чтобы немного забыться от горя, я полностью окунулся в ремесло. Я был неплохим горшечником. Мою посуду раскупали не только горожане, но и заезжие купцы. Но, видно, беда не приходит одна. В один из дней, когда я обжигал посуду, загорелась печь. Дул сильный ветер, и пламя быстро перекинулось на мое жилище. Так я остался без крова. Я собрал уцелевшие от пожара утварь, посуду и принес их сюда. На этом месте я вырыл землянку. Во мне еще жила надежда, что, заработав денег, я построю себе небольшую хибарку. В один из злополучных дней я пошел на базар продавать посуду. Лавки у меня не было, она сгорела вместе с моим жилищем. Я торговал с земли. Совсем рядом от себя я

¹⁸ 6851 год от Сотворения мира – 1343 год от Р.Х.

¹⁹ Черная смерть – чума.

увидел, как богатый вельможа держит за руку какого-то нищего и кричит, что тот обокрал его господина. Вокруг них уже собиралась толпа. Все что-то кричали и требовали наказать виновного. Тот же извивался и божился, что он не виноват, что его оклеветали, вот... он, не раздумывая, показал на меня. В следующее мгновение он изловчился, высвободил руку из цепкой хватки вельможи и убежал. Меня же, ни в чем не повинного, схватили и повели к султану. Толпа требовала возмездия. Не слушая меня, султан приказал отрубить мне правую руку. Приговор тут же привели в исполнение на базарной площади, и я, обессилевший от боли, потерявший много крови, остался без семьи, без крова, без ремесла, без руки и без средств к существованию. – Старик тяжело вздохнул.

Только сейчас заметил Марпата, что кисть правой руки Коддуса, так звали старика, обрублена. Марпата был потрясен. Сердце его сжалось при мысли о том, как много пережил за свою жизнь этот человек. Марпата вдруг вспомнил отца. Он тоже был гончаром. Марпата любил наблюдать, как вращается на круге будущий кувшин или миска. Он помнил умелые руки отца, и то, как мастерски из куска глины создавали они посуду.

Марпата перевел взгляд на Коддуса, на его обрубленную руку. Ему стало нескончаемо жалко этого немощного старика, и он решил помочь ему непременно.

Ночами дядюшку Коддуса, так теперь называл старика Марпата, мучил кашель. Он овладевал стариком, как только тот ложился в постель, и не отпускал своих удушливых объятий до утра. Каждую ночь, забываясь на некоторое время, Коддус просыпался от внезапного взрывного приступа. Его тело содрогалось, сжимая грудь так, что старик не мог вздохнуть, и от этого мучительного ощущения беспомощности зрачки его расширялись, синели губы.

Слушая, как мучается старик, Марпата засыпал лишь под утро. С каждым разом сердце его все сильнее сжималось от жалости к немощи дядюшки Коддуса. С тех недавних пор, что Марпата поселился у него, они сблизились. Коддус рассказывал Марпате о своей прошлой жизни, о городе. Марпата в своих беседах знакомил старика с обычаями Тибета и его родного монастыря. Коддус воспринимал рассказы Марпаты как небылицы, в которые верил с трудом, но все же слушал, удивлялся и ждал новых рассказов.

Морозы не отпускали, и Марпата предложил дядюшке Коддусу некоторое время не ходить на базарную площадь за подаванием. Однако сам Марпата каждый день бывал в городе. Присматриваясь к городскому быту, он замечал, как многообразен этот город, как многолики его жители. Перед его глазами проходили и византийцы, и русские, и болгары, и

татары. Он бывал в кварталах, где селились армяне и персы, проходил мимо лавок евреев-менял. Каждый день он приносил в землянку свежий лаваш, а вечерами за кружкой кумыса рассказывал дядюшке Коддусу обо всем, что видел.

Сегодня недуг старика довел Марпату до отчаяния. Он не спал всю ночь. Впадая в забытие, тотчас просыпался от беспрестанного стариковского кашля. С воспаленными от бессонной ночи глазами, Марпата удрученно встретил рассвет. Коддус почувствовал отстраненность своего постояльца, но не стал навязываться ему с разговорами.

Марпата устроился в дальнем углу землянки и молча перебирал те немногие пожитки, которые принес в жилище Коддуса. Из вещевого мешка он достал два толстых свитка с какими-то записями. Коддус наблюдал за Марпатой. Тот что-то долго искал в свитках, много раз разворачивая и сворачивая их. Наконец, ему встретилась нужная запись, и он углубился в ее изучение. За это время Марпата несколько раз мельком взглянул на Коддуса, но не произнес ни слова. Старик, понимая, что причиняет постояльцу неудобства, переживал его отстраненность, к тому же с Марпатой ему стало легче существовать в этой холодной неуютной землянке. В Марпате Коддус видел если не родственную, то просто живую душу, которая помогала выжить в эти суровые морозы, скрашивая его одиночество.

Тех дров, что Марпата принес вчера в землянку, с лихвой хватило, чтобы Коддус развел очаг. Экономя отсыревшие су-

чья, старик поддерживал скромный огонь, заботясь, чтобы света хватало и для Марпаты, который внимательно вчитывался в письма, начертанные на свитках.

Казалось, Марпата не замечал стараний старика. Он отложил пергамент и снова стал рыться в дорожном мешке. Коддус молча наблюдал за ним, когда тот достал из мешка небольшую глиняную емкость с узким горлышком и кожаный мешочек размером с ладонь.

Смешав в миске немного жидкости из емкости и щепоть мрачно-зеленого порошка из мешочка, он протянул миску старику:

– Выпей, дядюшка Коддус.

Старик настороженно посмотрел на Марпату, но взял то, что предлагал ему постоялец.

– Выпей, – повторил Марпата и, видя, что Коддус опасается, пояснил: – Это снадобье. Оно должно помочь тебе в твоей хвори. Лама Чинробнобо кое-чему научил меня. Не бойся. Я не причиню тебе зла.

Действительно, в эту ночь старик почти не кашлял, а через несколько дней, исправно принимая снадобье, которое каждое утро готовил ему Марпата, он лишь с содроганием вспоминал о недавних ночных приступах. Теперь Коддус испытывал к Марпате не просто благодарность, он дивился способностям и знаниям этого молодого человека.

– Я рад, что Господь послал мне тебя, – с влажными от умиления глазами благодарил Марпату старик, – признать-

ся, я думал, ты не разумеешь грамоту, и уж никак не мог поверить, что тебе подвластно лекарское ремесло. Теперь, когда я знаю, что передо мной образованный человек, знающий толк в лекарском деле, я тоже хочу помочь тебе. В татарском квартале живет аптекарь Зульхаким. Найди его и скажи, что это я прислал тебя к нему. Некогда мы были с ним в неплохих связях. Моя нищета развела нас, но он знает, я не посоветую ему худого. Я думаю, он возьмет тебя работником на приемлемых условиях.

Утром Марпата отправился в город искать аптекаря Зульхакима. Татарский квартал располагался неподалеку от южного базара, куда стекались караваны, направляющиеся через Дербентский проход в Закавказье. Летом квартал был немногочислен. Татары-кочевники, живущие здесь, возвращались со своих родовых земель лишь к поздней осени. Зимой татарский квартал оживал, расцветая разноцветными куполами юрт. Образуя улицу, юрты стояли, прижавшись друг к другу, все ж оставляя между собой небольшой проход. Но не все жили в юртах. Были и такие, кто давно оставил летнее кочевье. Таким оседлым татаринком и был аптекарь Зульхаким. Он выстроил себе небольшой дом, а рядом с домом пристроил аптеку, где и летом и зимой проводил дни напролет. Чаще всего его можно было застать за аптекарским столом, с аптекарскими весами в руках, вечно развешивающего какие-то порошки. Вдоль стен на деревянных стеллажах красовались всевозможные баночки, кувшинчи-

ки, мешочки с травами. Аптекарь знал себе цену. Все его снадобья стоили недешево, оттого городская беднота редко посещала его аптеку. Найти Зульхакима для Марпаты не составило труда. Здесь каждый знал его. К тому же большая вывеска аптеки была видна издалека.

Зульхаким вышел к Марпате в широких шароварах и рубашке, поверх которой на нем был надет безрукавный камзол. На ногах Зульхакима красовались кожаные ичиги, а на голове гордо восседала тюбетейка. Совсем недолго прожив в Хаджи-Тархане, Марпата все же успел отметить, что татарские мужчины и женщины одевались здесь одинаково, только женщины поверх рубахи надевали еще вышитый нагрудник и очень любили блестящие металлические украшения. Верхней одеждой и мужчинам, и женщинам служил казакин, а зимой бешмет. Однако в сильные морозы все носили шубы. Татарские мужчины поверх тюбетеек надевали меховые или войлочные шапки, а женщины в холода покрывали головы вышитыми бархатными колпаками и платками.

Зульхаким встретил Марпату радушно, однако, выслушав его просьбу, сразу стал серьезен.

– Я сомневаюсь, юноша, что в столь раннем возрасте можно получить достаточные знания в лекарском деле, – растягивал слова аптекарь. Из-под прищура и без того узких глаз Зульхаким смотрел на Марпату недоверчиво, – однако, как ты говоришь, за тебя просит Коддус. Мы давно не виделись с ним, но он мой давний приятель. Ему я доверяю. Он всегда

отличался правдивостью и благожелательностью, но я должен посмотреть, на что ты способен.

Марпата вздохнул облегченно. Он был рад и мизерной оплате, которую назначил ему Зульхаким, и тому, что аптекарь предлагал ему только место начинающего ученика.

С тех пор, как Марпата поступил на службу к аптекарю Зульхакиму, в землянку Коддуса он стал приходить лишь переночевать. Он помнил о немощи старика и всегда приносил для него еду. Однако их беседы за вечерним кумысом стали намного короче, но все же не потеряли взаимного интереса. Марпата рассказывал старику о том, как работал у Зульхакима, как Зульхаким доверял ему лишь нехитрую работу, заключающую в себе мытье посуды из-под всевозможных мазей и микстур, и совсем не интересовался его знаниями.

– Я согласен на все, – смиренно вздыхал Марпата, – лишь бы Зульхаким платил мне.

Марпата мечтал скопить денег и обзавестись собственным жильем. На днях он продал верблюда. Если к тем динарам прибавить еще заработанные у Зульхакима деньги, то можно было наскрести на скромное жилье.

– Тогда мы с тобой, дядюшка Коддус, переберемся из этой землянки. Ты приютил меня в трудную минуту, так неужели я брошу тебя одного в твоей немощи.

В подобных разговорах с Марпатой в глазах Коддуса проступали слезы. Неужели Судьба опять поворачивалась к нему лицом? Конечно же он не откажется от помощи Марпаты.

Сегодня у Марпаты выдался свободный день. Мороз не

ослабевал, но светило солнце. Ветер успокоился, а воздух мерцал инеем. Коддус давно хотел показать Марпате могилы своих близких, и вот сегодня природа благоволила его желаниям.

Марпата и старик вышли из землянки и через квартал таких же, как Коддус, бедняков спустились с городского бугра к ерику. Извилистый, с берегами, поросшими прошлогодним камышом, сейчас соломенно-бурым и хрупким, ерик отделял городской бугор от другого бугра, который служил горожанам кладбищем. И здесь, в этом городе мертвых, куда Марпата и Коддус перешли через скованный льдом ерик, обитатели его существовали по земным законам иерархии. У самого подножья бугра ютились многочисленные холмики земли, без ограждений и украшений. Без объяснений было ясно – это могилы бедняков. Холм земли, и больше ничего. Но Коддус вел Марпату мимо бедняцких могил дальше, на верх бугра. Теперь могильные холмы сменились деревянными склепами. Коддус замедлил шаг. Он искал глазами знакомую усыпальницу. Зимой, покрытые слоем белого снега, все они казались одинаковыми.

– Вот здесь, – наконец остановился около одного из деревянных склепов Коддус, – здесь я их и похоронил, – тяжело вздохнул он.

Марпата обвел взглядом бугор. Чуть выше, в центре бугра, деревянные склепы уступали место добротным кирпичным усыпальницам. Марпата догадался – там хоронили са-

мых богатых.

Постояли. Помолчали. Здесь на бугре, на вольном просторе, давал о себе знать ветер. Забываясь в щели деревянных усыпальниц, он стонал, посвистывал, подвывал. Марпата поежился.

– Это души усопших кружат над нами, – прошептал Коддус, – слышишь их голоса...

Марпата удивленно взглянул на старика, а Коддус, не замечая недоумения Марпаты, продолжал:

– Чтобы души не могли свободно приходить к живым и чинить им бесчинства, усопших хоронят подальше от города, через реку. Река мешает душам перебираться к живым. Этот ерик и разделяет город живых от города мертвых.

«Странные все же люди живут здесь, – думал Марпата, – берегут тела и боятся душ».

Марпате вспомнился родной Тибет. На его каменистой земле нет кладбищ. Там тела усопших расчлениют и дают на съедение грифам, потому что тело считают лишь прахом, а душа – это Высшее Я, этот дух, который всего лишь использует тело для постижения уроков, уготованных ему на Земле. «Усвоив уроки, души уходят отсюда навсегда. Так стоит ли хранить тела и бояться душ?»

Весь обратный путь шли молча. Кладбищенскую тишину нарушал лишь хруст снега под ногами, здесь более глубоко, чем в городе, пение вновь усилившегося ветра да тяжелое дыхание старика. Коддус, погруженный в воспоминания,

оставил Марпату позади, и, казалось, совсем забыл о нем. Марпата тоже пребывал в своих мыслях. Он вспоминал ламу Чинробнобо, родителей, которых оставил в Тибете. Здесь на кладбищенском бугре он впервые осознал, как же все-таки они были далеки от него. Вряд ли когда-нибудь он увидит их снова. От ощущения невосполнимой потери сердце защемила тоска. Сейчас и Марпата, и Коддус переживали одни и те же чувства. Один снег скрипел у них под ногами, один бугор раскинулся под ними, но шли они по этому снегу, по этому бугру, каждый находясь в своем, потерянном ими мире. Эти миры, захватив Марпату и Коддуса всецело, еще долго удерживали их в одиночестве.

...Они сидели друг против друга и пили чай. Сваренный на скудном огне из прессованных толстых чайных веток и старых листьев, приправленный коровьим молоком. Местный чай напоминал Марпате тот, что варили в его родном Тибете, из которого готовили потом тсампу. Марпата положил в чай кусок бараньего жира. Расплываясь по поверхности желтыми кругами, вкус его отдаленно напоминал Марпате вкус ячьего жира, в излюбленной пёба тсампе.

Попивая чай, Марпата неотрывно смотрел на очаг. Пляшущие языки пламени завораживали, навевая воспоминания его жизни в Тибете. В двенадцатый лунный месяц, в канун Нового года, в монастыре устраивали танцевальное шествие, чтобы изгнать злых духов старого года. Марпате нравилось участвовать в этом празднестве, полном загадочно-

сти и тайны. Живя в монастыре, он всегда знал, что и в его родной деревне, в его родительском доме тоже исполняют этот ритуал, сжигая ночью пучки соломы, вынося на дорогу старый мусор, изгоняя злых духов, чтобы затем в первые три дня первого лунного месяца встретить самый большой праздник – Новый год. Обычно он начинался, когда зацветали персиковые деревья. И ничто не сравнится с праздничным угощением пёба, с его задорными танцами и шутками.

Марпата вздохнул и посмотрел на Коддуса. Словно в подтверждение своей убежденности, что Тибет лучшее место на земле, он попросил старика рассказать ему про Хаджи-Тархан.

– Да что я могу сказать, – посетовал старик, – пожалуй, только то, что слышал от моих предков, да от людей... Говорят, очень давно эти земли принадлежали куманам, но татары отняли у куман их владения, поселились там и основали свое царство. А город, говорят, стоял в этих местах еще до похода сюда хана Бату, и назывался Аши-Тархан, что будто бы означает – «город большой, каменный». Про Аши-Тархан ходят еще и другие легенды, будто бы некий Аши, получив от своего хозяина свободу, со многими тарханами, что были у него, удалился к реке, на правой ее стороне сделал окоп и назвал его Аши-Тархан. А еще рассказывают, что поселился на этом месте благочестивый хаджа. Султан отдал ему это место в тархан, то есть беспошлинно. На этом месте возникла деревня, которая быстро выросла в город. Да что там, –

вздохнул старик, — многое говорят, а кто прав, не разобрать. Говорят, двести лет назад город уже стоял. Возник, и все тут. А когда?... Какая разница! Не мог не возникнуть. Со всего света стекаются сюда пути, — подумав, добавил: — ...и болез-
ни.

И правда, черная смерть, что унесла жизни близких старика Коддуса, возникла в те страшные годы за Тибетом — на краю земли. Через Хорезм, Китай, Индию пробралась она и в Хаджи-Тархан, чтобы, алчно пожрав многие жизни, удалиться вдоль азиатского побережья Эгейского моря в Египет, в Сирию, а затем перекинуться на земли Святой Руси.

Марпата снова уловил в голосе старика горькие нотки. Еще не стерлись из памяти утреннее посещение кладбища и рассказ Коддуса о его семье. Опять молчание наполнило землянку. Только потрескивали сучья. Только пламя, возобладав над сыростью горящих поленьев, разгоралось все сильнее, наполняя землянку теплом.

Теплом наполнялась душа Марпаты, когда он вновь и вновь, все чаще возвращался мыслями во времена его детства, где еще был жив брат, где всей деревней от души веселились на праздниках. И всякий раз задумывался над тем, когда впервые пришла к нему мысль покинуть родину ради чужой земли? Почему в желании своем он был так неотступен? Как монах, много лет проживший в монастыре, Марпата знал: ничего не происходит в этом мире случайно. Даже самая малая случайность выстраивается со временем в закономерность. Мог ли тогда он, малолетний ребенок, постичь всю грандиозность его детской прихоти? Да и прихотили? Кто знает, может, останься Марпата жить на земле своих предков, он, как молодой росток, проросший не в той почве, не под тем небом, лишенный необходимого воздуха, зачах бы? Стало быть, его место здесь, под солнцем ханства кыпчаков, в Хаджи-Тархане, в этом сплетении торговых путей, дорог, наречий, в этом летнем местопребывании ханов, которое сами они называли тахтгахт. Марпате – потомку высокогорного пёба – труден был и воздух этих низинных мест, и обычаи народа, и его язык.

Но Марпата с детства чувствовал необходимость своего пребывания здесь, хотя еще и не осознавал времени, в котором ему предстояло жить. А между тем Хаджи-Тархан, Са-

рай ал-Махруса и другие города Великого Улуса едва оправились от страшного разгула черной смерти. Нещадно, без разбора забирала она жизни младенцев и стариков, женщин и мужчин, косила скот и все подвластное ей. Великий мор, шествуя по земле, уносил с собой несметное число жизней, а чудом уцелевшие люди не могли предать земле умерших, так много их было.

Марпата пришел на землю Хаджи-Тархана уже после того, как хан Джанибек направился с войной в Азербайджан и разбил войска Мелика Ашрефа – правителя этой горной страны. Этот завоевательный поход Джанибека стал последним успехом Улуг-Улуса. Год, когда Марпата пришел с караваном в Хаджи-Тархан, стал последним годом благополучия, спокойствия и сильной власти ханов этой могучей державы Чингизидов.

Хан Джанибек умер по пути из Тебриза в Сарай ал-Джедид. Узнав о смерти отца, сын его Бердибек (по мнению многих, повинный в этой смерти) вывел войска из Азербайджана и спешно направился в столицу. Уничтожив многих своих братьев, Бердибек взошел на ханский престол, заронив в землю своего государства проросшие зерна великого булгака²⁰.

Именно в таком государстве джучидов предстояло жить Марпате, и трудности его, как и его успехи, только начинались.

²⁰ Булгак – смута (*тюрк.*).

Глава VIII

1

Дни, что проводил Марпата в работниках у Зульхакима, тянулись скучно и монотонно. Аптекарь не доверял ему ничего, кроме мытья посуды и уборки помещения. Много раз за день Марпата переставлял на полках баночки, коробочки, беспрестанно стирая с них кажущуюся Зульхакиму пыль. Марпата читал названия снадобий, трав и порошков. Он видел, как сочетал их друг с другом аптекарь, отмечая в уме, как бы это сделал он. Занимаясь мытьем посуды, Марпата вспоминал, чему его учил Чинробнобо. Многое, что прописывал Зульхаким приходящим к нему горожанам, Марпата приготовил бы иначе. Где-то изменил бы пропорции, где-то состав. Многих трав и порошков аптекарь Зульхаким не знал, их вообще не знали на этой земле, а для тибетских высокогорий эти снадобья были столь же обычны, как излюбленная пёба ежедневная тсампа.

Марпата порой удивлялся тому, как можно было не знать тех или иных приемов, от которых зависело скорое выздоровление больного. Несколько раз Марпата пытался открыть Зульхакиму некоторые рецепты тибетских снадобий, но аптекарь всякий раз либо делал вид, что не слышал, либо

нескрываемо раздражался. Понимая свое незавидное положение, Марпата умолкал, вновь принимаясь за каждодневную рутину.

Сегодня Марпата пришел в аптеку по обыкновению рано. Сделав все необходимые приготовления, он заканчивал наводить порядок на столе Зульхакима. Аптекарь любил, чтобы во время работы все было у него под рукой: его любимые весы, которые он считал самыми точными, ряд необходимых емкостей с порошками, мешочков с травами. И всякий раз Марпата должен был расставлять это строго в одной и той же последовательности, как того желал Зульхаким.

В комнату вошла Айгуль – дочь аптекаря. Обычно сдержанная, сейчас она была несколько взволнована. На ее луноподобном лице цвел румянец, а в глазах, глубоких, почти черных, сквозило беспокойство. За всю недолгую жизнь Марпаты Айгуль была первой девушкой, на которую он смотрел как-то иначе. Он и сам не мог объяснить как, но Айгуль волновала его. Ее гладкая мраморная кожа дышала весной, источая неповторимый еле уловимый аромат. И это влекло к ней Марпату еще больше. В монастыре он научился владеть своими эмоциями, и Айгуль даже не догадывалась о его интересе к ней.

– У отца сильный жар. Сегодня он всю ночь метался в бреду. Дайте что-нибудь, что могло бы помочь ему, – обратилась к Марпате девушка. Она беспокоилась за отца, оттого голос ее дрожал звонким колокольчиком.

Еще вечером аптекарь был совершенно здоров, но ночью он проснулся от сильной головной боли. Сердце бешено колотилось в груди, а щеки пылали. Перепуганное семейство суеилось у постели больного, стараясь хоть чем-то ему помочь. Позвали лекаря. Тот пустил Зульхакиму кровь и послал за снадобьем.

Марпата знал, для снижения жара в теле аптекарь всегда делал одну и ту же микстуру. Этой микстурой он напоил полгорода и считал ее панацеей. Среди множества аптекарских емкостей Марпата безошибочно нашел ту, что просила Айгуль, и протянул девушке.

Сегодня аптека осталась на пригляде Марпаты. За целый день лишь несколько человек заглянули к нему. Марпата выдавал нужные снадобья, если знал наверняка, что нужно посетителю. Если он в чем-то сомневался, то на правах ученика разводил руками.

Вот уже три дня аптекаря не отпускала болезнь. Он лежал в полузабытии, иногда лишь ненадолго приходя в себя. Каждый день к нему являлся лекарь, всякий раз делая кровопускания. Но все это не только не помогало Зульхакиму, напротив, ему становилось хуже. За снадобьем прибегала Айгуль. Сегодня, когда Марпата отмеривал очередную порцию микстуры, она вдруг разрыдалась.

– Ничто, никто не в силах ему помочь, – от бессилья ее хрупкие плечики вздрагивали, – он не умрет? Ведь он не умрет, – она с отчаянной надеждой заглянула в глаза Мар-

фаты.

– Можно, я посмотрю на него? – спросил он Айгуль. В ее глазах возникло откровенное удивление. – Можно, я посмотрю на него? – повторил Марпата.

Всхлипывая, Айгуль неуверенно кивнула головой и повела Марпату к отцу. Аптекарь пребывал в забытии. Раскрасневшееся лицо оплыло, губы потрескались. Его лоб прикрывала влажная тряпица. Беспомощное тело грузно лежало во множестве одеял и подушек.

Марпата посмотрел на Зульхакима. Это был совсем не тот, вечно суесящийся здоровяк. Сейчас он вызывал жалость.

– Если позволит госпожа, – обратился Марпата к Айгуль, – я приготовлю больному другое снадобье. Живя в Тибете, я изучал медицину. У нас несколько иные средства. Кое-что я привез с собой.

Уже после первого приема того снадобья, что дал Марпата Зульхакиму, больному стало легче. С лица сошла багровость, а хрип, беспрестанно вырывавшийся из груди, сменился ровным дыханием. Жар постепенно спадал. Аптекарь уснул.

Айгуль смотрела на Марпату изумленно. Теперь она не хотела отпускать его от постели отца. Все дни, пока Зульхаким был прикован к постели, Марпата находился около него. Уже третьи сутки он не выходил из аптеки. Мальчик-служка принес из землянки Коддуса его мешок, где хранилось все необходимое для снадобья, и толстый свиток с рецептами ти-

бетского врачевания. Углубившись в записи, Марпата долго искал нужную запись. Найдя, размышлял, отвергал, искал вновь, пока, наконец, ему не встретился очень древний рецепт, доставшийся от старого монаха Тенчига. На счастье, в закромах своего дорожного мешка он нашел все необходимое для приготовления снадобья.

Зульхаким быстро шел на поправку. Теперь Марпата не замечал, как летело время. Он разрывался между аптекарем и его заведением. Марпата видел, что знания, полученные им в монастыре, принесли пользу. Это радовало, и Марпата стал немного смелее. Он даже несколько раз предложил свои рецепты тем, кто приходил в аптеку за снадобьями.

Теперь Айгуль смотрела на Марпату с нескрываемым восторгом, и, только ее отец оправился от тяжелой болезни, с радостью сообщила ему о чудесном рецепте Марпаты.

– Он добрый, он обязательно поделится с тобой секретом своего снадобья, – верещала над ухом Зульхакима дочь. – Ты будешь продавать это снадобье, и оно принесет тебе успех.

Но Зульхаким словно не слышал. Напротив, как только Айгуль заводила разговор о работнике и его лекарственных знаниях, лицо аптекаря багровело, а скулы начинали ходить желваками. Оставляя увещевания дочери без ответа, он лишь громко сопел и отворачивался. Очень скоро аптекарь вновь занялся своим лекарским ремеслом. Казалось, силы, потраченные им за время болезни, вернулись к нему с лихвой. Он с еще большим усердием развешивал на весах по-

рошки, готовил микстуры да высматривал вездесущую пыль на полках и стеллажах. Теперь для своей работы он использовал вдвое больше посуды, чем надобилось ему раньше, так что у Марпаты не оставалось ни единого свободного мгновения.

Казалось, аптекарь был загружен работой не впрокорот до такой степени, что вообще перестал замечать работника, а если тот и попадался ему под руку, то всякий раз Зульхаким раздражался гневным окриком. Марпата не мог понять подобных перемен. Он не ждал благодарности, но озлобленности аптекаря он тоже не ожидал. Марпата беспрекословно выполнял все, что требовал Зульхаким, стараясь ни в чем не перечить хозяину. Он боялся потерять даже такую работу, даже те мизерные крохи, что достались ему с невероятным трудом.

За вечерним чаем в землянке он рассказывал Коддусу о переменах в отношении к нему Зульхакима. Старик от удивления только разводил руками. Он не знал его таким. Прежде Зульхаким был доброжелателен со всеми и не завистлив. Неужели это недоброе чувство овладело им?

И Зульхаким, освободившись вечерами от лекарственных дел, оставался один на один со своими мыслями. Он и впрямь не на шутку обеспокоился познаниями Марпаты. Столько лет он был единственным аптекарем в городе. К нему шли со всей округи. Ему верили. И вдруг объявился какой-то пришлый иноземец, который пытался учить его! Нет! Зульхаким

не мог допустить этого. «Избавиться... Всеми правдами и неправдами избавиться от работника. Но как?! Прогнать, или... Нет! Нет! Самое лучшее сейчас оставить работника подле себя, загрузить работой и ни в коем случае не давать ему проявлять инициативу» – так размышлял Зульхаким, и на сердце у него с каждым днем становилось все мрачнее, тем более что за столь короткий срок уже не один посетитель спрашивал о Марпате, о чудодейственных снадобьях, которые он предлагал людям.

Раннее утро, как обычно, погрузило Зульхакима и его работника в заботы, приготовления и ожидание посетителей. Аптекарь придирчивым взглядом оценивал стеллажи и полки, на которые Марпата только что расставил все имеющиеся баночки, кувшинчики, мешочки. Сегодня Зульхакиму не понравилось, в каком порядке расположил Марпата его принадлежности. Его рука занеслась было над всем этим множеством аптекарских мелочей, но разум вовремя охладил пыл. С чем он останется, если одним махом повергнет все это на пол?!

Скрипнула входная дверь, заставив Зульхакима унять свой гнев, и в следующий миг он уже превратился в услужливого улыбающегося добряка, готового прийти на помощь каждому, кто постучится к нему в дом.

На пороге стоял человек. Его длинный, расшитый золотыми нитями халат, застегивающийся посередине на пуговицы из драгоценных камней, его кожаные темно-коричневые сапоги, отделанные по голенищу шелковой тканью с золотой вышивкой, говорили о том, что в аптеку пожаловал весьма знатный и влиятельный вельможа.

Зульхаким мельком бросил взгляд на тугую кожаную мошну, что висела на поясе у вельможи. Блеск воображаемых в ней монет тотчас заставил аптекаря склониться в по-

чтительном поклоне. Подобострастно кивая головой, он беспрестанно обнажал в улыбке поредевшие за жизнь зубы. Однако он уже успел жестом показать Марпате, чтобы тот удалился из комнаты.

Вельможа, окинув взглядом помещение, ответил на приветственные поклоны аптекаря еле заметным кивком головы.

– Чем могу служить господину? – Зульхаким заискивающе заглядывал в глаза посетителю.

Вельможа не спешил с ответом, а взгляд его скользил то по стенам с полками и стеллажами, то по столу, на котором стояли излюбленные весы аптекаря, то вдруг устремился на дверь, за которой несколько мгновений назад скрылся Марпата.

– Уважаемый, – растягивая слова, обратился вельможа к Зульхакиму, – меня привело к тебе одно интересное обстоятельство. Люди говорят, будто у тебя в работниках живет некий иноземец, знающий чудодейственные секреты исцеления.

Зульхаким побелел от неожиданности. Его губы задрожали. Комок подступил к горлу. Сейчас он ненавидел Марпату за своеволие, которое тот проявил, предлагая горожанам свои рецепты. И зачем он взял его к себе в работники? Сейчас Зульхаким не мог простить себе этой оплошности.

– Людям свойственно ошибаться, – тихо ответил Зульхаким вельможе, – у меня действительно есть работник-ученик, но он пока еще ровным счетом ничего не понимает в

аптекарском деле.

– Я не сказал тебе, уважаемый, – не меняя интонации, продолжал вельможа, – я пришел к тебе по просьбе моего господина эмира Харун ад-Дина. Он хочет видеть твоего работника. Он просил немедля доставить его во дворец.

Самообладание едва не покинуло Зульхакима. Из последних сил, собрав дух в единый комок, он ответил:

– К сожалению, сегодня я отпустил моего работника на отдых. Его здесь нет. Он живет в землянке одного нищего, на окраине города, но где точно, мне неизвестно.

– А кто только что вышел отсюда? – прищурив глаза, вельможа указал на дверь, ведущую в жилище Зульхакима.

Аптекарь опустил глаза, но остался невозмутим.

– Если окажется, что ты скрываешь своего работника от эмира, если ты лжешь, уважаемый, – возвысил голос вельможа, – тебе отрежут язык!

Зульхаким потерял дар речи. Пытаясь оправдаться, он лепетал что-то невнятное, пока затуманенный разум его все же не возобладал над человеческими слабостями.

– Марпата! – позвал он работника.

Прежде, за свое недолгое пребывание в Хаджи-Тархане, Марпата лишь проходил мимо городских дворцов, не переставая дивиться величию сводов, дорисовывая в сознании их внутреннее убранство. Но возвышенные образы роскоши неизбежно сменялись убожеством землянки Коддуса. За вечерним чаем и разговорами о хлебе насущном они таяли в пляшущих языках пламени очага.

Сегодня судьба нежданно-негаданно распахнула перед Марпатой двери дворца эмира Харун ад-Дина. Однако все, что прежде воображал Марпата, беспомощно бледнело в цвете ярких красок того, что предстало его взору. Отшлифованный до блеска каменный пол, фрески с изображением пейзажей и соколиной охоты, высокие колонны, создающие величие пространства. Под сводами высокого воздушного купола, из множества окон которого сочилось во дворец небо, Марпате показалось, что он беспомощно мал. И только фонтан, стремящийся струями своих вод достичь купола, вернул Марпату к ощущению его реального роста.

Все тот же вельможа, что пришел утром в аптеку, распахнул перед Марпатой двери высокой просторной залы. Словно ниоткуда, на мозаичные стены залы, выложенные замысловатой паутиной орнамента, лился солнечный свет. Марпата поднял взор туда, где под сводом потолка, вплетаясь в

общее кружево орнамента, по кругу купола расположилось множество окон.

Харун ад-Дин едва ли был старше Марпаты, но природное достоинство эмира, унаследованное им от знатных предков, высокомерие возводило его на недостижимую высоту перед вошедшим. Несмотря на это, во взгляде, холодном, недоступном, сквозил интерес.

Марпата стоял перед эмиром, не поднимая глаз, ощущая всем своим естеством, как тот молча разглядывал его. Наконец, эмир велел подданному удалиться.

Они беседовали долго. Эмир расспрашивал Марпату, откуда тот родом, как попал в Хаджи-Тархан и правду ли говорят, что его рецепты столь чудодейственны, что им приписывают колдовскую силу?

Марпата искренне удивился словам Харун ад-Дина. За годы жизни в монастыре никому ни разу не пришло в голову подменять врачевание колдовством! Монахи издревле занимались медициной, передавая древние знания из поколения в поколение. Они изучали свойства целебных трав, знали, какое сильное влияние могут оказывать на человека камни и то, что люди употребляют в пищу. Марпата поражался, с какой быстротой облетела город молва о его снадобьях. Ему казалось странным, что на этой земле не знают того, что в Тибете считают обычным.

Марпата все больше овладевал вниманием Харун ад-Дина. Постепенно, в неподдельном интересе эмира, с него сле-

тела пелена надменности. Теперь перед Марпатой сидел ровесник, заинтересованный рассказом иноземца.

— Я хочу, чтобы ты остался во дворце, — Харун ад-Дин серьезно посмотрел на Марпату, — ты интересен мне. Ты много знаешь. Каждый день мы будем беседовать с тобой. — Помолчав, добавил: — ...Не только о твоём Тибете. Ты будешь моим врачом.

Марпата склонился в поклоне. Он видел — судьба выстраивала путь его будущей жизни. Марпата знал — необходимость, которой дано произойти, случается легко и почти мгновенно. Он еще не осознал этой необходимости, но о лучшей доле мечтать и не стоило. Оставалось только принять предложение султана как данность и не задумываться над тем, какое будущее скрывалось за этой необходимостью.

С тех пор, как Марпата поселился у старика, тот привязался к нему всей душой. Одиночество отступило, позволив Коддусу вновь радоваться жизни. Они беседовали вечерами у скромного очага, разделив на двоих и время и ужин. Старик радовался, что Небо послало ему Марпату. Однако теперь, из-за болезни Зулхакима, Марпата иногда оставался ночевать в аптеке. Вот и сейчас, не дождавшись постояльца, Коддус лег спать, оставив на трухлявом подобии низкого стола ломоть лаваша и приправленный молоком чай. К утру кусок лаваша засох, но Марпаты все не было. Он не пришел ни к вечеру, ни к ночи. Коддус провел в одиночестве несколько дней. Сначала спокойный, теперь он пребывал в замеша-

тельстве. Неужели Зульхаким совсем плох и Марпата дежурит у его одра? Но он мог бы прислать служку, как это бывало днями раньше! Каждое утро, теряясь в догадках, Коддус разводил очаг и начинал в одиночестве новый день. Запасы пищи таяли на глазах, и Коддус уже подумывал о том, чтобы в надежде на подаяние вернуться к городской стене.

Сегодня старику не спалось. То ли тревога закралась в душу, терзая воспоминаниями, то ли чудилось что-то, навевая недобрые предчувствия. Едва дождавшись позднего зимнего рассвета, Коддус направился к дому аптекаря. В дверях его встретил служка. Настороженно разглядывая старика, он все же пустил его в аптеку. Коддус увидел Зульхакима. Тот сидел за столом и что-то развешивал на старых аптекарских весах. С тех пор, как их пути разошлись, Зульхаким изрядно раздобрел и напоминал собой туго набитую мошну. Краем глаза, видя ветхость одежд, аптекарь не торопился обаять посетителя.

Коддус стоял у дверей, в нерешительности переминаясь с ноги на ногу:

– Здравствуй, Зульхаким... Вот и свиделись, – раздался за спиной у аптекаря хриплый надтреснутый голос.

Зульхаким не узнал в убогом нищем своего прежнего приятеля. Его выцветшие глаза, прежде живые, с озорными искорками, сейчас смотрели на мир отрешенным потухшим взором.

– Ты не узнал меня, Зульхаким? Я – Коддус. Я пришел к

тебе узнать о твоём работнике, которого я дерзнул направить к тебе.

Зульхаким неприятно поморщился. Он никогда не испытывал особой благожелательности к Марпате, а после болезни, после чудесного исцеления от той коварной хвори, он и вовсе озлобился на работника. Зульхакому также не хотелось видеть в стенах своей аптеки нищего оборванного старика, пусть даже тот был его прежним приятелем. Так и не пустив Коддуса дальше порога, он разразился громкими упреками:

– Работника?! И ты называешь работником этого ленивого, неуклюжего увальня? Я столько потерпел убытков из-за его невнимательности! Мне не нужен такой работник!

Коддус, ничего не понимая, смотрел на пунцового от гнева Зульхакипа. Тот же, делая шаг за шагом навстречу старику, все явственнее теснил его к выходу.

Глава IX

1

Многие долгие версты пути преодолели крытые княжеские сани, утрамбовывая широкими полозьями заснеженный путь. Однако лошади с трудом справлялись с глубокими наносами, которые навьюжил за ночь лютень. Белым-бело вокруг. Куда ни кинь взор, на всем белый искристый покров, словно сама Богородица сняла с себя плат, да и покрыла им от ненужного глаза Святую Русь, которая еще стояла на коленях перед татарами, которая еще спала беспробудным сном, не зная своего Великого Предназначения.

Много проехали. Скоро уж и до татар доберутся. И чем ближе татарские земли, тем тяжелее и сумрачнее на душе у Иоанна, все думу думает. Давно наслышаны на Руси о жестоком норове нового хана. Нешуточно решил он обложить данью русские княжества. Как убедить Бердибека не повышать выхода? Да только на руку то хану. Бедная Русь – слабая Русь.

Князь Иоанн тяжело вздохнул и перевел взгляд на митрополита Алексия, сопровождавшего его в татары. Видит князь, не столь тягостно у Алексия на душе. И на том ладно. Привык князь доверять Владыке. Однако мысли княжьи

впереди всего санного эскорта мчатся: как-то встретит их Бердибек, то в сторону уводят, заставляя думать о Руси, то оборачиваются назад и пристально вглядываются в прошлое. Сколько князей не вернулись из татар! Сколько сложили там головы! Все они на памяти с давних времен. Михаил Всеволодович Черниговский жестоко убит в татарской ставке по приезде своем. Замучен в татарах Роман Рязанский. Умерли там Борис Василькович, Александр Дмитриевич – сын Великого князя Владимирского Дмитрия Александровича, Федор Иванович Стародубский, князь Борис Дмитриевич. Казнены Александр Михайлович Тверской и сын его Федор Александрович. И Василий Константинович Рязанский в татарах убиен.

Тяжело на душе у князя. Потирает он перстом заиндевевшее оконце, отогревает человеческим теплом оконную прозрачность, дабы сквозь узкое окружье мысли княжьи, устремляясь вдаль, смогли предугадать исход его похода в татары. Видит Алексей, как мыкает кручину князь, как, не находя себе места, мечутся мысли его.

Все утро ехали молча. Алексей не докучал Иоанну. Самому было о чем поразмыслить, однако видел, как переживает князь о предстоящем визите к Бердибеку.

– Владыка, – молвил Иоанн, отрывая взгляд от отогретого в окне кружочка, – если со мной в татарах что случится, ты уж не обессудь, проследи, чтоб все по чести вышло. Я бумагу отписал, кому что завещано.

– Об этом не беспокойся, княже, – отозвался митрополит, – это малая задача, а мы с тобой за большим едем. Не пристало нам в домовинах на Русь возвращаться. Ты лучше о другом подумай. Знаю, не впервой говорю, но уж послушай еще раз. Не выказывай на погляд своих настроений о несогласии подчинению татарам. Не время. Держись стороны отца своего Иоанна Даниловича да брата – князя Симеона Гордого.

Великий князь и сам понимал, что не время. Еще до отъезда в ставку решил поступить так, как советовал ему Алексей и те немногие бояре, которых он искренне считал друзьями. И до того мысли его редкий раз вырывались наружу, так что не всякий догадывался о них, а теперь и вовсе держал их князь в узде.

Так уж повелось на Руси еще со времен Ярослава II Всеволодовича: низко и подобоострастно кланялись русские князья татарским ханам. Испокон веку заискивали и угождали, как могли, лишь бы жизнь сохранил хан, лишь бы ярлык пожаловал. Унижение – не смерть, пережить можно. Вот и переживали беспредельщину да унижение в татарских ставках, а приезжая домой, в русские княжества, от души вымещали накопленное на своих боярах. Те, в свою очередь, несли обиду собственным холопам. Так и катилась по Руси, как снежный ком, необходимость пресмыкаться перед теми, кто старше по чину. Катилась из страха, превращаясь в привычку, из привычки в образ жития.

Первая ночь, проведенная в татарской ставке, была для русских князей спокойной. После долгого утомительного пути все спали. Лишь Алексей пребывал в молитве. Сон не шел к нему. Проворочавшись на неудобном ложе пару часов, он встал. О чем просил русский митрополит Всевышнего, оставалось лишь догадываться, хотя чаяния у всех были едины. Оставалось только ждать, когда Бердибек соизволит принять у себя Иоанна. Как же все-таки убедить хана не повышать выхода?! Как уберечься от гнева его неминуемого?! Ведь ничем не гнушается хан! Отца в могилу свел. Братьев одного за другим с белого света убирает. Что ему голова русского князя?! На ярлык много желающих. Остается одно: ниже поклоны, щедрее поминки ²¹, да на Господа уповать.

Оттого и не спалось ночью Алексею. Разговор с Богом вел, а как забрезжил рассвет, засобирался: облачился в ризу, украсил безымянный перст дорогим перстнем.

– Куда ты, Владыка? – насторожился князь Иоанн.

– Хочу с Тайдулой свидеться, прежде чем Бердибек соизволит принять тебя, Иоанн Иоаннович, – отозвался Алексей. – Есть у меня о чем с ханшей потолковать.

– Негоже одному-то ходить, да и рано еще, рассвет едва омолодил небо!

²¹ Поминок – подарок.

– Зимой рассветы поздние, день короткий, можно не успеть. А Господь меня сохранит.

Митрополит Алексей ждал недолго. Вскоре прислужник пригласил русского священника в покои татарской царицы, отворив перед ним двери.

Радующие ханши теплом разлилось по покоям, стараясь затронуть сердце митрополита. Улыбка светилась на устах Тайдулы, как искрились на ее расшитом золотом платье драгоценные камни.

– Неужто это наяву и я вижу перед собой моего исцелителя?! – Тайдула протянула руки к митрополиту. – Я не поверила своим ушам, когда мой подданный сообщил мне, кто ждет моей аудиенции! – Она усадила Алексея рядом с собой, приказав слугам принести угощения для дорогого гостя и оставить их наедине. – Я вижу, мой избавитель в тех одеждах, что я подарила ему летом, после моего чудесного выздоровления!

Алексей лишь кивал головой, глядя восторженной Тайдуле в глаза.

– Что привело тебя ко мне? – Царица искренне радовалась встрече с Алексием.

– Да вот, хотелось взглянуть на луноподобную хатун, самому убедиться, что матушка-царица в полном здравии.

Польщенная Тайдула предложила Алексею яства с ее царского стола. Алексей потянулся к королевскому шербету с орехами, не без умысла выставляя напоказ руку, на которой

красовался роскошный дорогой перстень. И вновь потешил душу. Поняла Тайдула – ценил Алексей ее дары. И Алексей знал, чем затронуть сердце ханши.

– Я рада, что мои дары пришлись тебе по сердцу, – улыбнулась Тайдула, узнав в перстне, надетом на палец Алексея, свой подарок. – А землями как распорядился? – В память о своем исцелении татарская царица пожаловала русскому митрополиту землю в Московском Кремле, где прежде располагался двор для татарских баскаков. Исцеленная от слепоты, несказанно щедра была царица.

– Матушка Тайдула, милости твоей вовек не забудем ни я, ни русичи. – Алексей, приложив руки к груди, склонился перед ханшой в почтительном поклоне. – Замыслил я на том месте монастырь основать. В скором времени думаю первую церковь там поставить и освятить в честь чуда архистратига Михаила.

Тайдула смотрела на русского патриарха с интересом. Знала, о каком чуде молчал Алексей, догадывалась, что и за ее исцеление благодарил Алексей Всевышнего, а о неведомом ей чуде все же поинтересовалась. И поведал ей тогда Алексей старинное предание, будто бы давным-давно в деревне Хони, что в Малой Азии, бил целебный ключ. Рядом с источником стояла церковь во имя Архангела Михаила. Решили язычники уничтожить православную церковь и святой источник. Во встречных течениях двух рек выкопали они ров, и в желании затопить церковь и родник направили

на них воду. В той церкви служил пономарь Архип. В мольбах своих он обратился к Архангелу Михаилу. Тот, узрев несправедливость, ударом своего жезла о камень остановил поток, и ушла вода в скалы...

Визит у ханши затягивался, а митрополит еще не сказал ей самого главного, ради чего пришел он к ней сегодня, ради чего столько верст добирался до татарской ставки. Поймет ли? Поддержит ли? Но все же решился, в гостеприимных разговорах царицы улучил миг, вклинил нужное ему в беседу восторженной ханши. Участливо выслушала Тайдула Алексия: и о том, что на Руси не на шутку озабочены решением Бердибека повысить выхода, и о том, что непомерна высока та дань, которую он хочет наложить, и что для русских княжеств она означает верную гибель.

Приздумалась ханша, от этого на переносице обозначилась неглубокая черточка. Молчание царицы привело Алексия в замешательство. Что будет, если Тайдула откажется помочь ему? Митрополитом овладело сомнение.

– Я сделаю все, что в моих силах, – теперь уже серьезная, без намека на улыбку, ответила Тайдула.

Озвучивая мерность шагов, под ногами скрипел снег. Алексей шел от ханши, одолеваемый раздумьями. Как следовало расценивать ему слова царицы? Может быть, вовсе и не стоило обнадеживаться расположением Тайдулы? Но дальнейшая судьба русских княжеств была сейчас отчасти и в ее руках. Станет ли Бердибек прислушиваться к просьбам

матери?

Алексию показалось, словно кто-то окликнул его. Такое бывает, кажется, что вдруг кто-то окликает тебя, но не голосом, не по имени. Словно кто-то зовет тебя душой, и чувствуешь это незримо, неосяземо, и слышишь, откуда идет этот зов чьего-то сердца.

Алексий повернул голову. Он поймал на себе безмолвный пристальный взгляд. Он сразу узнал его. Этот взгляд принадлежал Семену Нехворобину, московскому боярину, исчезнувшему с еще несколькими боярами сразу после внезапной гибели Алексея Хвоста. С их исчезновением пало на бояр и подозрение в убийстве любимого фаворита Московского Князя.

Алексий остановился. Нехворобин сделал шаг навстречу митрополиту.

– Владыка! Вот и свиделись, – боярин склонился перед Алексием в почтительном поклоне. – Знаю, о чем молва на Руси идет, да только не мы это. А кто убил Хвоста, и нам неизвестно. Боялись, что на нас подозрение падет, вот и подались в Рязань, к князю Олегу. Сюда с ним приехали, – скороговóрил, словно оправдываясь, боярин.

Взволновала Алексия неожиданная встреча с Нехворобиным. Внимательно выслушал он рассказ беглого боярина. Не время было судиться да рядиться, тем более в татарской ставке.

Алексий посоветовал боярину, не мешкая, прийти на по-

клон к Великому Князю. Неужто не выслушает Иоанн Иоаннович своих опальных бояр, а там, глядишь, усмотрит их невиновность, да и простит. А по приходе и великому князю поведал о встрече, да и попенял, что не время сейчас счета сводить. Хвоста не вернуть. Руси на ногах прочно стоять надо, а сила – в единстве.

Несколько дней прошли в бесплодном ожидании. Алексей видел, как нервничал великий князь, расценивая молчание Бердибека нежеланием принимать у себя русских князей. Князь Иоанн перебирал в голове все оплошности, какие мог невольно допустить, находясь в татарской ставке. Он просчитывал каждый шаг. Он принял у себя Семена Нехворобина и тех беглых бояр, которых считал повинными в смерти Алексея Хвоста. В другое время туго бы им пришлось, но сейчас, по наставлениям Митрополита, он простил их.

У Алексея на душе тоже было беспокойно. Конечно, Тайдула замолвит слово перед Бердибеком, но кто знает, чем оно отзовется в его сердце? Не вызовет ли это гнев хана? А может, молчание Бердибека – немой ответ русским на просьбу ханши?

В томительном ожидании время уподобилось тугой струне, которую, вытягивая, истончая, испытывали на прочность. Где тот миг, когда зазвучит она нужным голосом, или, не выдержав, разорвется, лопнет, а вместе с ней лопнут и надежды? Но ничего не бывает вечным, хотя в вечность уходит все. Наконец, и Бердибек соизволил принять у себя русских князей. Здесь уж не до распрей, не до ссор. Всем миром пошли на поклон к татарскому хану.

Выслушал Бердибек Иоанна обо всем, с чем пришел к татарскому хану великий князь Русского Улуса, а как только тот завел разговор о бедности русских княжеств, движением руки остановил его.

– Так вы говорите, – обратился Бердибек к князьям, – что спор у вас, кому какими землями владеть?

Чего греха таить, этот вопрос и впрямь волновал и великого князя Московского, и князя Рязанского. Их несогласия в сопредельных землях давно ждали разрешения, но сейчас важнее было другое, о чем Бердибек даже не позволял заикаться.

У Иоанна стучало в висках. Не мог он уехать из татарской ставки, не испросив ханской милости не повышать выхода, но и Лопасни тоже не хотел лишаться. Разве зря отец его и брат кровью и потом приобретали нынешние позиции Московского княжества?!

– Мое слово будет таким, – Бердибек окинул взглядом русских князей, – левобережье Рязанское отдаю Московскому княжеству, стало быть, тебе, Иван, а Коломну закрепляю за Рязанью.

Иоанн невольно вздрогнул, бросив взгляд на князя Олега. Тот же ни единым жестом, ни единым мускулом не выказал досады, что земли его отошли Москве. Приклонив голову, он покорно стоял перед ханом.

В душе великий князь давно ощущал непрочность этих земель. Конечно, потеря Лопасни досадно легла на сердце,

но не все было так плохо. С приобретением Рязанских земель у него появился контроль над Муромом. А это многого стоило.

— Да, вот еще, — словно невзначай бросил Бердибек, — моя величайшая милость безгранична, я не стану повышать выхода на Русь. Пусть все останется по-прежнему.

Иоанн так долго ждал этих слов, а сейчас его сердце не верило в то, что они осознанно сошли с уст Бердибека. Господь услышал их мольбы. Стало быть, не зря, всю ночь молился перед образами Алексей. Стало быть не зря нанес он визит Тайдуле, не зря облачался в подаренные ею одежды. Ханша, помня доброе, сумела уговорить сына быть милостивым к русским князьям.

Глава X

1

С тех пор как Марпата покинул аптекаря Зульхакима, он больше не появлялся в землянке Коддуса. Жизнь его круто изменилась. Теперь он жил во дворце Харун ад-Дина. Их первая встреча произвела такое впечатление на эмира, что тот ежедневно приглашал к себе Марпату, и они подолгу беседовали вместе. Дни для Марпаты теперь проходили, нет, пролетали, словно птицы, от рассветного горизонта до закатного окоема, вновь возвращаясь к рассвету. С рассвета до заката он то проводил часы в беседах с эмиром, то врачевал знатных вельмож, которые, прослышав об иноземце, упрасивали Харун ад-Дина показать им Марпату. Интерес к нему возрастал. Эмира прельщали не только лекарские знания юноши, но и его острый ум, обширный кругозор. Будучи ровесниками, они беседовали о длинных караванных переходах из страны в страну, о звездах, обо всем, что приходило на ум молодому эмиру. Но больше всего ему нравилось необычное мышление Марпаты. Здесь, в этих низовьях Ити-ли, люди мыслили по-иному. Харун ад-Дину были в диковину необычные суждения Марпаты о жизни и ее предназначении. Эмир пытался понять своего лекаря.

Несмотря на то что Харун ад-Дин все сильнее привязывался к Марпате и знал о нем многое, сам он не допускал иноземца в свою жизнь. Марпата знал лишь то, что Харун ад-Дин был очень богат, а его покойный отец, некогда один из самых влиятельных эмиров Хаджи-Тархана, оставил ему знатное положение в обществе. Марпата знал, что Мухаммад ад-Дин, так звали отца Харуна ад-Дина, состоял в кровном родстве с правящими ханами Улуг-Улуса, а значит, и он, и Харун ад-Дин имели честь быть Чингисидами – представителем славной династии великого Чингисхана. Мухаммад ад-Дин был в тесных добропорядочных отношениях с родственником по крови – Хаджи-Черкесом – сыном хана Джанибека от наложницы. После смерти Мухаммад ад-Дина эта связь сохранилась и с Харун ад-Дином.

Дни летели. Но в их плотной нескончаемой череде Марпата часто думал о дядюшке Коддусе, которому так и не сообщил о своем уходе от аптекаря. Груз вины тяготил сердце. Ведь старик отнесся к нему, как к сыну – приютил в своей тесной сырой землянке. Это ему Марпата был обязан теперешним положением. Если бы Коддус не пристроил его учеником к аптекарю Зульхакиму, вряд ли сейчас он был приближенным эмира.

А между тем Коддус, потеряв всякую надежду увидеть своего постояльца, проводил дни в одиночестве. Нужда вновь заставила его вернуться к городской стене. Дни напролет он вновь стоял с протянутой рукой, собирая жалкие кро-

хи на кусок лаваша. Коддус чувствовал, что Марпата жив и здоров, что он просто ушел от него. «Что ж, так бывает, — успокаивал себя Коддус, — люди не всегда оправдывают ожидания. Нельзя их за это судить», — и, вздыхая, нерешительно протягивал руку прохожему торговцу. За всю свою нищенскую жизнь он так и не избавился от чувства стыда перед подающими ему милостыню.

Дела Марпаты шли неплохо. Он пользовался расположением эмира. Вместе с тем запасы тибетских трав, что привез он с собой в Хаджи-Тархан, таяли на глазах, а необходимость в них возрастала, потому как слух об иноземном лекаре распространился по городу быстро. Вся городская знать шла к нему за исцелением от недугов.

Три дня Марпата скитался по городским рынкам, в надежде отыскать человека, который бы отправился в Лхасу. Но все было тщетно. На такой дальний переход отваживался не каждый. Тогда он стал искать человека, который бы согласился в каких-либо других азиатских странах купить необходимые ему травы, хотя он понимал, что многие травы можно было найти лишь у него на родине.

Его взгляд скользнул вдоль городской стены и споткнулся. У стены стоял Коддус, по обыкновению стыдливо протягивая за подаванием руку. Расстояние между ними было большим. Старик не видел Марпату — он смотрел в другую сторону.

Словно вар плеснули на сердце Марпаты. Он тут же за-

был о том, что привело его на городской рынок. Во всей этой торговой суете, во всем этом кишашем скоплении народа он видел лишь Коддуса. Сердце жгло огнем. Как он мог оставить беспомощного больного старика?! Как мог бросить на произвол и без того нелегкой его судьбы?! Словно врасстая в землю, Марпата остолбенел, но он так и не решился подойти к Коддусу.

За то недолгое время, что Марпата прожил во дворце, нельзя сказать что он стал богат, но сумел скопить некоторые средства. Все это время он лишь подумывал купить собственное жилье, но теперь, встретившись с Коддусом, больным нищим стариком, который в трудный момент Марпаты, прося у него милостыню, сам проявил милость, Марпата решил не откладывать задуманное. Ему было совестно перед стариком.

Юрта, которую приобрел Марпата, располагалась в татарском квартале, недалеко от аптеки Зульхакима. Хотя и осталось у Марпаты в душе неприятное чувство от дней, проведенных в работниках у аптекаря, он не придавал большого значения соседству с ним. Сейчас им двигало не столько желание иметь собственное жилье, сколько чувство вины перед оставленным в немощи стариком. Но даже временное жилье он не стал ставить в квартале для иноземцев, хотя, по устоям этих мест, должен был жить именно там.

Конечно, покупка юрты была не самым лучшим решением для постоянного жилья. В теплое время года в ней можно было безбедно жить, что зачастую и делали многие жители Хаджи-Тархана, но с наступлением холодов люди перебирались в дома, которые защищали их от сильных ветров и крепких морозов, нередких в этих местах.

Купленная юрта была большая и просторная. Сразу видно, приобрел ее человек высокого достатка. На этой земле Марпате приходилось все начинать сызнова. Поэтому, покупая юрту, Марпата решил, что позаботится и о приобретении надежного дома.

Внутри он застелил юрту овечьими шкурами, утеплив стены шерстяными коврами. Он купил необходимый скарб: керамическую посуду, глиняные горшки и миски. Около очага

поставил большой казан. В сердце повеяло домашним теплом, но без родной и близкой души уют в этом жилище не было.

На следующий день Марпата отправился к городской стене. Он знал, что в это время Коддус будет там. По пути на городской рынок Марпата не один раз представил себе встречу с ним, подбирая, как казалось, нужные и важные слова. Ему было неловко за столь неоправданное исчезновение. Вот и знакомое место, где когда-то Марпата подал милостыню нищему старику.

...Их взгляды встретились. Марпата хотел было улыбнуться, но улыбка не получилась. Все слова, что Марпата берег для Коддуса, застряли где-то глубоко-глубоко в горле, так и не оторвавшись от сердца.

В глазах Коддуса не было укора, не было и обиды. Человек, проживший большую трудную жизнь, он научился не судить людей за их поступки. Он так считал: каждый поступок, не соответствующий его желаниям и надеждам, – урок Всевышнего. Перед Коддусом стоял человек, который некогда подал ему щедрую милостыню. Он отблагодарил его, разделив с ним свою землянку, но человек ушел, не сказав ни слова. Что ж, знать Всевышнему так было угодно!..

Марпата думал совсем иначе. Его терзало чувство вины перед добросердечным стариком.

– Дядюшка Коддус, пойдем домой, – от волнения лицо Марпаты покрылось пунцовыми пятнами, – я купил юрту.

Тебя там так не хватает!

Коддус молча смотрел на Марпату, но глазах его вдруг блеснула слеза.

Марпата взял старика за руку:

– Пойдем, пойдем домой.

Прямо от городской стены они направились на окраину Хаджи-Тархана. Весь нехитрый скарб, что имел за душой Коддус, уместился в одном кожаном мешке. Теперь, глядя на убогую утварь, Марпата понимал, что все это ненужный хлам. Но он не хотел лишний раз оскорблять чувства старика. Поэтому, покорно взяв мешок, остался дожидаться на улице, пока Коддус простится со своим земляным домом. Старик вышел из землянки, крепко прижимая к груди сверток из грубой рогожи.

Они сидели друг напротив друга и пили душистый чай, приправленный молоком и бараньим жиром. Перед Коддусом стояла расписная керамическая миска, до краев наполненная аппетитными кусками жареного мяса. Только что приготовленное, оно источало по юрте тонкий сытый аромат.

Темнело. Марпата зажег светильник, и юрта осветилась желтым светом живого пламени. Сегодня, впервые за много дней, он коротал вечер в собственном жилище. Эмир, скрепя сердце, на короткое время отпустил от себя своего любимого подданного, но только ради приобретения им собственного жилья.

Пламя бросало замысловатые тени то на ковровые стены

юрты, то на лицо Коддуса. Блик, и что-то заблестело в глазах старика. Неужели это опять слезы?

В этот вечер они говорили обо всем, лишь только об их недавнем расставании не проронили ни слова. Будто не было этих трудных для Коддуса дней, будто не было для Марпаты этих долгих, похожих на наваждение, на сон, дней забвения.

Мучаясь угрызениями совести, Марпата рассказывал Коддусу, как однажды попал во дворец к эмиру, как жил без него все это время.

Коддус внимательно слушал Марпату. Его глаза то высыхали, то от скупой слезы вновь начинали блестеть.

Опершись на колено единственной кистью, старик тяжело поднялся с мягкого пола юрты. В укромном месте, куда Марпата сложил принесенные из землянки пожитки, Коддус взял завернутый в рогожу сверток, тот самый, что так бережно нес от землянки до нового своего жилища.

– Мой мальчик, – Коддус смотрел на Марпату с отеческой заботой, – я благодарен тебе за все, что ты для меня делаешь. Я искренне рад за тебя и хочу хоть чем-то быть тебе полезным, – он развернул рогожу, обнажив два пожелтевших от времени пергамента, – это рукописи. Они достались мне от деда. В этих древних письменах – поэзия наших предков. Дед завещал мне хранить их и передать своим детям. Так уж распорядилась судьба: я остался один. Ты заменил мне сына. Возьми, – старик протянул Марпате свитки.

Марпата развернул пергамент. Он был исписан мелким

каллиграфическим почерком. «О свойствах справедливости», – прочитал по-чагатайски Марпата. Нескончаемый столбец витиеватой вязи. Развернув рукопись полностью, Марпата скользнул глазами вниз пергамента: «...Мудрое слово – успехов залог...» Выхваченная из поэмы строка, врезалась в сознание острой иглой. «...Мудрое слово – успехов залог... – повторил Марпата, – как точно сказано!» Он поднял взгляд на Коддуса, едва начиная сознавать, какую неоценимую услугу оказал ему старик.

– Господин Марпата, господин Марпата, – откуда-то из глубины ватной реальности донеслось до слуха погруженного в крепкий сон Марпаты. Он открыл глаза: «И кому я нужен в столь ранний час?» – прислушался. Коддус тоже проснулся и настороженно приподнял голову.

– Господин Марпата, – голос доносился из-за войлочного выхода. Кто мог потревожить его в столь ранний час? Марпата пошел открывать. У входа стоял слуга Харун ад-Дина.

– Господин Марпата, эмир послал меня за вами. Он хочет видеть вас неотложно.

Оставив слугу за входом, Марпата стал спешно собираться во дворец. Коддус смотрел на него настороженно. Марпата перехватил этот взгляд:

– Мне нужно идти, дядюшка Коддус, – Марпата обнял старика за плечи, – я не знаю, когда вернусь, но ты ни о чем не беспокойся. Живи спокойно. Этот дом твой. Я никогда не оставлю тебя больше.

Утро едва забрезжило рассветом. Полутемные силуэты юрт, полупризрачные абрисы городских жилищ за длинной чередой заборов казались порождением нереальности. Прошли мимо аптеки Зульхакима. Марпата бросил взгляд на это небогатое строение, несколько необычное для татарского квартала. Вдруг вспомнилась Айгуль – нежная хрупкая де-

вушка. «Айгуль. Должно быть, спит еще...» – подумал Марпата.

Невзирая на раннее утро, Харун ад-Дин был уже на ногах. В ожидании Марпаты он мерил шагами комнату. Эмир любил предаваться утренней неге, и оторвать его от этого могло лишь что-то очень важное.

Марпата терялся в догадках: что могло побудить его господина проснуться так рано?! Проходя по гулким лабиринтам дворца, Марпата перебирал в голове запасы снадобий и рецептов, предполагая, что заболел кто-то из многочисленных знакомых Харун ад-Дина.

– Наконец-то ты явился! – обрушился на него эмир, – Бердибек убит. Черкес-бек вызывает меня в Сарай. Ты поедешь со мной.

Известие о смерти Бердибека не заставило Марпату вздрогнуть от неожиданности, слишком уж напряженными были отношения правящего хана с братьями его по крови – Кульпой и Наврусом. После смерти их отца – хана Джанибека, до сей поры ходила наушная молва, что хан убит, и убит именно по указу Бердибека. С кончиной Джанибека отношения братьев серьезно осложнились, поэтому вполне возможно, что с белого света потеснил Бердибека именно Кульпа.

Черкес-бек служил у Бердибека походным эмиром. Их сплачивали давние деловые связи. Бердибек во многом полагался на Черкеса. Среди подданных Бердибека, во времена, когда тот еще не утвердился на ханском престоле, был и

отец Харун ад-Дина – Мухаммад ад-Дин. Кроме того, что их отношения с Черкесом основывались на кровном родстве, они еще во многом доверяли друг другу и пользовались взаимной поддержкой.

Мухаммад ад-Дин жил в Сарая с рождения. Там у него был роскошный дворец, доставшийся еще от отца. Здесь жил и Харун ад-Дин. Здесь его учили этикету, законам дворцовой жизни и непреложным канонам государства Джучи. Когда Харун ад-Дин подрос, к нему приставили лучших преподавателей Сарая. Те втолковывали ему грамоту, учили каллиграфии, литературе, точным наукам. На земле Сарая он приобрел друзей и покровителей. Учился различать врагов и защищаться от них, скрыто или явно. Понемногу отец раскрывал Харун ад-Дину тонкости придворных взаимоотношений.

Подчиняясь далеко идущим планам своего господина, Мухаммад ад-Дин перебрался в Хаджи-Тархан. С собой он взял и сына. Черкес-бек во многом полагался на своего подданного. Он давно заглядывался на Хаджи-Тархан, и Мухаммад ад-Дин служил залогом его будущего успеха. Однако человек предполагает, а Всевышний располагает. Однажды Мухаммад ад-Дин пришел домой вымокшим до нитки под проливным дождем. Через несколько дней он слег. Еще несколько дней он метался в бреду. Харун ад-Дин приглашал к нему лекаря, делал примочки, но Мухаммад слабел с каждым днем. Вскоре его не стало.

Похоронили Мухаммад ад-Дина на бугре хаджи-тархан-

ского кладбища. Тогда Харун ад-Дин и решил перебраться в Хаджи-Тархан.

Когда скончался Мухаммад, Харун ад-Дин был уже достаточно взрослым, чтобы его воспринимали всерьез и считались с его мнением. После смерти Мухаммада ад-Дина Черкес-бек стал серьезнее присматриваться к молодому эмиру. В свою очередь Харун ад-Дин видел в Черкес-беке своего покровителя.

Кончина Бердибека очень взволновала Черкеса. Как и многие другие, он рассчитывал получить от власти правящего хана свою выгоду. Теперь его планы менялись. Ни с Наврузом, ни с Кульпой он не состоял ни в дружбе, ни в выгодных деловых связях, хотя их и связывали узы родства. Черкесу необходимо было укрепить свое положение. И самым верным решением было утвердиться в Хаджи-Тархане. Здесь на Харун ад-Дина он возлагал большие надежды...

Харун ад-Дин в сопровождении Марпаты, в закрытой дорожной арбе следовал в направлении Сарая. Колеса повозки оставляли за собой клубы глинистой пыли, которая скрывала в своей толще низкие стены уплывающего за горизонт Хаджи-Тархана.

Дорога петляла: она то вплотную подходила к Итили, и тогда с обрывистого берега было видно сильное речное течение, то огибала бугры, уводя путников в бескрайнюю степь, которая, словно море, раскинулась от окоема до окоема. Откинув завесь скудного оконца, эмир наблюдал, как волнами

этого бескрайнего моря волновались на ветру ковыли, прикрывая от мимолетного взора проплешины голубовато-серой полыни. Великая степь. Сейчас ее раздирали на части многочисленные ханы, эмиры и беки. Правобережье Ити-ли принадлежало беклярибеку Мамаю, а левая ее часть сарайским ханам. В центре страстей находился Хаджи-Тархан. Сейчас он, как и сарайский престол, служил для всех «яблоком раздора».

Харун ад-Дин молчал почти полпути. Его порядком утомило немое созерцание окрестностей. Он оторвался от мизерного оконца крытой дорожной повозки и взглянул на Марпату.

– Как ты считаешь, что будет дальше, – спросил он своего подданного, и, не дожидаясь ответа, стал размышлять вслух: – Если Бердибека убил Кульпа, в надежде взойти на ханский престол, то Навруз вряд ли успокоится. Он обязательно затеет заговор против Кульпы, а сделать это будет несложно. Сыновья Кульпы носят русские имена – Михаил и Иван, а посему, наверняка христиане. Я думаю, на этом Навруз и сыграет в дальнейшем. Их крещение сильно оскорбляет правоверных. Если Кульпа получит власть, он поставит под неопровержимый удар своих сыновей и себя, а Навруз получит хороший шанс занять престол. Однако мне кажется, что это лишь начало. – Харун ад-Дин вздохнул и, вновь отвернувшись от Марпаты, уставился в оконце дорожной арбы.

Мимо проплывали земли Улуг-Улуса, который теперь

стоял на пороге великой смуты. Что принесет она жителям государства Джучидов? Этого не знали ни Харун ад-Дин, ни Марпата. Этого еще не знал никто...

Глава XI

1

Вовсю торжествовали колокола. Их раскатистый восторг слышен был далеко за окрестностями Москвы. В гулкий сдержанный голос большого зазвонного кампана ²² вливались подголоски младших колоколов. К ним, словно малые дети, игриво пристраивались праздничные колокольца, единым хоралом создавая звучание Божьего гласа ²³.

Еще издали услышал Алексей знакомые, ласкающие слух и душу звуки. Радостно на сердце у митрополита. И как ни радоваться, коли получилось склонить Бердибека не повышать выхода, да не только склонить, но и на Русь вернуться живыми. А звон колоколов все явственнее доносится сквозь воздушную даль до слуха путников. А мимо проплывают русские березы.

Глядит Алексей на великого князя, и у того на сердце благостно. Да и немудрено. Немыслимый груз сброшен с плеч князя. «Все-таки, быть Руси! – глядя на Иоанна, думал Алексей. – Придет время, сбросит она с себя иго татарское, слов-

²² Кампан – церковный колокол.

²³ Божий глас – так в старину называли церковные колокола.

но тесную одежду. Кто знает, хитростью ли силой? Но под татарами век Руси не ходить!» – Это Алексей чувствовал всем своим существом.

Въехали в городские ворота. Взмыленные, уставшие от долгого пути кони, почуяв родные стены, втягивая ноздрями воздух, заржали, подбадриваемые кучером на облучке. В залиvistый звон колоколов вплетался гомон толпы, которая выкатилась из своих жилищ навстречу митрополиту Алексею и великому князю Иоанну Иоанновичу.

Митрополит Алексей первым ступил на московскую землю. Как сладок воздух! Как необходима его душе русская земля! Нет, не зря он ездил на поклон к Тайдуле, не зря затрагивал тонкие сердечные струнки ханши. Великая радость опустилась на Москву. Навстречу Алексею спешил народ:

– Избавитель, – со всех сторон тянулись к митрополиту руки благодарных русичей, – отец наш! – бурлила ликующая толпа, и те из мирян, кто был ближе к Владыке, старались, хоть мельком, коснуться края его одежд. Навстречу Алексею и Иоанну Иоанновичу спешили бояре, спешило все великокняжеское семейство.

Впереди всех княжич Дмитрий. Всего восемь лет сыну великого князя, а уж среди сверстников отличается он умом да смекалкой, храбростью да радением за Русь. Бежит княжич навстречу отцу да митрополиту. Подбежал, остановился... Отцу рад несказанно, а на Владыку по-иному смотрит. Помыслил мгновение, припал к длани его.

– Отче! – молвит восьмилетний княжич. – Ты избавил нас от войны и верной гибели! Как нам благодарить тебя?!

Митрополит возвел взор к небу. Закружилась голова, словно небесный поток увлек его за собой. Пелена умиления застелила глаза. Княжич Дмитрий! В свои столь юные годы он уже говорил не от себя. Он говорил от имени народа. Как же любил он русский народ!

«Слава Престолу Божию, – подумал Алексей, – благословляю миг рождения сего младенца, ибо предвидит моя душа будущую славу его, будущие дела во имя Отечества».

Но не только это радовало Владыку. Встреча его в татарах с Семеном Нехворобиным – еще одна удача. В том темном убийстве Алексея Хвоста тяжело было искать виновных. Да и связано ли было бегство московских бояр с кончиной московского тысяцкого? Доподлинно никто не знает. Возможно, их бегству была причина, – очень уж враждовали Иоанн и Олег Рязанский. Но так или не так, воссоединение беглых бояр с великим князем произошло. И это тоже радовало Алексея.

Проснулся Иоанн Иоаннович словно от резкого толчка. Вздрыгнул, сел на кровати. Супруга Александра разметала по подушке расплетенные струи русых волос, рядом спит, мирно посапывая. За окном ночь. Луна скудостью света своего освещает опочивальню князя, отбрасывая на стены длинные тени.

Иоанн вытер со лба проступившую испарину. Что это с ним? И подушка влажная от пота, и исподнее – хоть выжимай. Помнит только, пригрезились ему во сне покойные матушка с отцом. Возникли невзначай, будто из воздуха созданные. Полупризрачные с ног, чем ближе к лику, тем явственнее. Молчали. Отец – Иван Калита, стоял перед сыном, скрестив на груди руки. Матушка Елена, улыбаясь, манила его к себе. Помнит Иоанн, протянул он ей руку, и повела она его в белое молоко неизвестности. Отец рядом. И шли они куда-то вместе. И благостно так на душе было, покойно... Вот только неприятный неведомый толчок заставил его очнуться да озноб пронизал до костей.

Ничего не понимая, сидел он на кровати в темной опочивальне, пытаясь сообразить, что было с ним. Какой-то детский страх навалился на него. Даже тени, и те заставили дрожь бежать по телу. Иоанн вытер с шеи холодную испарину: «Что так болит кожа, словно иголками ее колют? – раз-

мышлял спросонья Иоанн, переворачивая влажную подушку. — Что это батюшка с матушкой пришли ко мне? Может, опять татары против меня чего затевают, а может, от своих ожидать стоит? Только бы татары не устроили набега. Да такого вроде давно не случалось».

Все лежал, все думал князь о сынах своих, о племяннике. Коснулся рукой волос Александры. Их мягкий струящийся шелк немного успокоил его. Захотелось женского тепла. Склонился над безмятежно спящей супругой, залюбовался ею, но будить не стал. А у самого сердце опять не на месте: то о Руси думает, то мыслями в татарское логово подается. Далеко за горизонт памяти человеческой заглянул. Вспомнил давние рассказы отца своего и деда, как сильны были прежде татары, как безгранична была их власть, как бесчинствовали они на Руси, за малейшее неповиновение выжигая дотла города русские, как ни в чем не повинные гибли в татарских ставках русские князья. Да, не те сейчас татары, совсем не те! Распрями да смутой ослабили они свое великое ханство. А как ослабили, так и Русь голову поднимать стала.

Давно Иоанн держал в уме, что не должно русичам ходить под татарами, да Алексей строго-настрого запретил ему выказывать напоказ то мнение, и даже думать о том не велел. Однако как не думать, коли сам он от пяток до кончиков волос самый что ни на есть русич — русский князь! А ночью непотребные мысли сами в голову просятся, да разрастись норовят до немыслимых размеров. И что это батюшка с ма-

тушкой навещали его?... Что-то все тело ломит, и в голове, пульсируя, нарастает боль, словно червяк мозги точит...

Наутро Иоанн пришел к Алексию. Митрополит только пробудился и еще не приступал к утренней молитве. Его всклокоченной бороды еще не коснулся гребень. Он предстал перед Иоанном по-келейному в черной рясе, без облачения. Все как есть рассказал своему духовнику Иоанн об увиденном во сне.

– В голову не бери, княже, – успокоил Иоанна митрополит, – чему сбыться – не миновать, а коли ждать лиха, то – в татарах. Там ханы друг друга бьют: сын отца, брат брата. Чувствую, великая замятня грядет! А где замятня, там сила невелика... Слабеют татары.

Иоанн и сам понимал это и просчитывал, какую пользу русские княжества могут извлечь из татарской замятни. Хватит русским князьям гнуть спину перед ханами. Коль те друг с другом договориться не могут, стало быть, русичам с руки их ссоры в свою выгоду повернуть. А как время покажет.

К полудню Иоанн почувствовал себя хуже. Тело ломило, голова разрывалась от боли. Было тяжело дышать. Он едва выдержал долгую беседу с боярами, которые сегодня со всех сторон докучали ему своими мелкими проблемами. Мысли в голове притупились. Даже отношения с татарами казались ему по-детски наивными.

Он помнил, как дошел до опочивальни, как, раскинув руки, рухнул на кровать. Остальное будто во сне. Поплыл пе-

ред глазами бревенчатый свод потолка. Туман застелил глаза, растворяя в нереальности стены. Притупилась боль. Но шум в ушах, он все нарастал... Как неприятно этот шум режет слух... Чья-то рука коснулась чела. Усилием воли Иоанн приподнял веки. Перед глазами слабый размытый лик Александры. И снова пелена, а в той пелене, где-то далеко-далеко матушка с отцом. Матушка манит его к себе, и так хочется к ней, как в детстве...

...Александра третьи сутки не отходит от мужа. Примочки на огненное чело кладет. Мечется Иоанн в бреду: то матушку вспоминает, детей кличет. А то вскинет голову, безумными глазами обведет опочивальню, остановит взор на супруге. То ли видит, то ли нет, вновь срывается в пропасть забвения.

Алексий без устали молится о князе, денно и ночью взывает к Господу. Только наступает время, когда Господь мольбам земным не внимлет, кто бы ни стоял пред ним.

...Полугода не минуло с тех пор, как ликовал на площади люд, благодаря Алексия за спасение русских княжеств от непомерной дани, как под неумный восторг церковных колоколов встречал его народ из татарской ставки. И вот опять звонят колокола, только залиvistые голоса их напоминают скорее надрывные причитания плакальщиц, а гулкий кампан, истязаемый билом, содрогается и по-мужски сдержанно вздыхает. И снова люд наводнил площадь. Только сейчас толпа не ликует, а скорбит. Кажется, и воздух скорбит вме-

сте с ней, и птицы в небе, и облака. Сегодня не встречают, а провожают в последний путь великого князя Иоанна II.

Кроткий... Благочинное, но отнюдь не лестное для государя имя. Но так уж нарекла молва людская мягкосердного, а тем и слабого князя. Оттого досталось ему княжение трудное, с распрями да уособицами. Так, прокняжив шесть лет, в тридцать два года устав от жизни, покинул он сей мир. Неслышными голосами стенает над землей людская скорбь. Незримой птицей парит в неосязаемости княжья душа. Совсем недолго оставаться ей среди тех, кто был дорог. Упорхнет в запредельные выси, оставив вдовствовать супругу Александру, лишив родительского плеча подрастающих сынов Дмитрия и Иоанна. Прочитана великим князем земная книга его жизни, усвоены уроки, возвращено в прах созданное из праха тело. Легкая, свободная, устремилась душа в вечность, оставив земному земные ценности.

В княжых палатах собрались бояре. Не нарушая заведенного порядка, расселись, как при жизни Иоанна: кто по правую руку, кто по левую. Во главе княжеская чета: жена Александра с сыновьями. Только место великого князя пусто. Тяжела утрата, непомерна. Скорбит семья, скорбят бояре, скорбит земля русская.

Тишина властвует в палатах. Ни гомона, ни пересудов. Бояре меж собой переговариваются шепотом, терпеливо ждут последнего волеизъявления Иоанна Кроткого.

К княжьему престолу вышел Алексей. Непомерно строг

он ныне, сдержан. В руках у митрополита свиток – духовная великого князя. Обвел Владыка взором собрание, сломал печать. В ожидании затаили дыхание бояре.

«...Отдаю супруге моей Александре волости и часть московских доходов. Дмитрию отдаю Можайск и Коломну с селами, Иоанну Звенигород и Рузу. За племянником моим Владимиром Андреевичем утверждаю удел отца его. За вдовствующею Княгинею Симеоном и Андреевою, именем Иулианиею, данные им от супругов волости, с тем чтобы после Иулиании наследовали сыновья Великого Князя и Владимир Андреевич, а после Марии один Димитрий...» – торжественно и монотонно Алексей перечислял наследование за усопшим ставшего ненужным ему имущества. Далее следовали немногочисленные драгоценности: золотая шпага, жемчужная серьга, стакан Цареградский, две золотых цепи, золотая сабля и шишак.

Великий князь отказывал некоторую долю прибыли церквям, давал волю казначеям своим, сельским дьякам и купленным людям. Все ждали главного: кому, по примеру отца своего Ивана Калины, отпишет великий князь наследовать Московское Княжество, со всеми его землями. Но духовная приказывала Москву Дмитрию и Иоанну, а треть московских доходов шестилетнему племяннику Владимиру Андреевичу.

Алексий смолк. В воздухе повисла пауза. Престол Иоанн не завещал никому...

Еще издали разглядел Марпата на ровной линии окоема едва заметные очертания большого города. Сарай с его столичной суетой встретил путников лучами полуденного солнца. Еще никогда не доводилось Марпате бывать в столь значимом и столь красивом городе. Его удивляли широкие и длинные улицы с бесконечной чередой всевозможных строений.

На полном ходу лошади вынесли арбу на широкую площадь, вымощенную добротным дорожным кирпичом. Здесь проживала городская знать. По краям площади располагались высокие роскошные дворцы с резными куполами сводов и стенами, расписанными текстами из Корана витиеватой арабской вязью. Сюда, на городскую площадь, изобилием лучей сходилась множество улиц. Те, что пошире, были вымощены кирпичом и застроены богатыми особняками. Обитатели узких улочек жили победнее и довольствовались деревянными настилами вдоль домов.

Повозка, в которой находились Харун ад-Дин и Марпата, с грохотом прокатилась по мостовой, пересекла площадь и нырнула в одну из широких улиц. Улица была застроена такими же красивыми и богатыми дворцами, что видел Марпата на площади. Миновав квартал, путники вновь оказались на широкой площади. Повозка остановилась около высокого

и роскошного дворца.

— Ну вот, мы и приехали, — выглянул в окно Харун ад-Дин, — это мой дом. Здесь мы и остановимся.

Как только эмир со своим подданным вошли во дворец, все в доме пришло в движение. Забегала и засуетилась многочисленная прислуга, приводя в движение застоявшийся без хозяина дома воздух.

Харун ад-Дин приказал отвести Марпату в его апартаменты, а сам, не теряя времени, отправился к Черкес-беку.

Дворец Харун ад-Дина в Сарае немногим превосходил его хаджи-тарханский дом, но все же Марпата не переставал удивляться красоте его убранства и благоустроенности быта. Отделанные фресками стены, отшлифованные до зеркального блеска мраморные полы, отопительные и водопроводные каналы, умело спрятанные от лишних глаз, приводили Марпату в восторг. Погрузившись во все это великолепие, Марпата вдруг подумал, что наставник Чинробнобо, увидев своего воспитанника в такой роскоши, пришел бы в ужас, посчитав, что все его многочисленные труды пошли прахом.

В ожидании Харун ад-Дина Марпата вышел на улицу. В центре площади находился небольшой искусственный водоем, посреди которого из огромной мраморной чаши бил фонтан. Марпата подошел ближе. Сильные струи фонтана, устремляясь к небу, крупными каплями падали вниз. Марпата загляделся на искрящиеся брызги. Мысли роились в голове сонмом жужжащих пчел. Он вдруг вспомнил об оставлен-

ном им родительском крове, об отце, о матери и о Коддусе – немощном старике, который первый, сам испытывая нужду, протянул ему, иноземцу, руку помощи. Слушая монотонное журчание воды, Марпата вдруг вспомнил свой длинный и утомительный переход из Лхасы в Хаджи-Тархан. Теперь, оглядываясь назад, туда, где пятилетним мальчуганом настойчиво стремился уйти из дома, он знал наверняка: неречённое, вот что двигало им, вот что давало ему уверенность в завтрашнем дне. В неречённом таилась его судьба – единственная и неотвратимая. Он не искал легких путей, пути сами расстилались перед ним, направляя туда, где он должен был быть. Сейчас он находился подле своего господина в столице Улуг Улуса – Сарая ал-Джедиде. Впервые Марпата увидел этот город, когда пришел сюда с торговым караваном. Еще тогда он, иноземец-пёба, был покорен его величием и красотой, длинными широкими улицами, его многочисленными богатыми базарами, невольничьими рынками и снующим туда-сюда людом. Переполненный народом, этот город оправдывал титул столицы могущественного ханства кыпчаков.

Дворец Хаджи-Черкеса находился на центральной площади Сарая. В то время, когда Марпата, предоставленный сам себе, размышлял у фонтана о былой жизни, Харун ад-Дин вошел в покои эмира.

– Наконец-то ты приехал, – оживился Черкес-бек, – я послал за тобой два дня назад!

– Мой господин, – склонился в легком поклоне Харун ад-Дин, – я выехал, не мешкая, как только посыльный доставил мне приказ.

– Да, ты прав, – эмир встал навстречу своему младшему другу, – ожидание всегда томительно, а в нашем положении медлить никак нельзя. Мы живем в смутные времена. Наше государство слабеет на глазах, а ханский престол раздирают на части все, кто только может.

Несмотря на то что Черкес-бека очень волновало, в чьих руках окажется верховная власть Улуг-Улуса, он вызвал к себе Харун ад-Дина не для того, чтобы гадать, кто овладеет Сарайским престолом. Будь то Кульпа, Навруз или кто-то другой, сейчас для Черкес-бека было не столь важно. Как бы ни боролись за сарайский престол джучиды, реальная власть в Улуг-Улусе принадлежала не им, а одному из старших монгольских эмиров по имени Мамай, который еще при царствовании Бердибека управлял всеми его делами. Он – Мамай – не джучид, стоял во главе рода джучидов на правах мужа дочери хана Бердибека – Ханум. Теперь, со смертью хана, когда право обладания троном наследовал малолетний сын Бердибека – Тохтамыш, Мамай тоже не терял времени, и тоже не желал упустить свой шанс в борьбе за власть. И здесь Черкес-бек должен был взвесить все «за» и «против». Со смертью Бердибека он, Черкес, лишался не только покровительства. Смена правящего хана усиливала его конкуренцию с такими же, как и он, походными эмирами левого кры-

ла – Айбеком и Урус-ханом. Еще при Бердибеке постоянные несогласия его эмиров заставляли их враждовать между собой. Теперь, когда их правитель пал от руки родного брата, каждый из них думал об укреплении своего положения. Все хорошо обдумав, Черкес-бек направил свой взор на предместья Хаджи-Тархана. Во-первых, это были одни из самых близких окрестностей Сарая. Во-вторых, в Хаджи-Тархане он мог получить куда более значимую поддержку среди городской знати, нежели, к примеру, на землях Хорезма.

– Я вызвал тебя к себе, – перешел к делу Черкес-бек, – чтобы ты на некоторое время остался здесь, в Сарае. Мне нужна полная осведомленность обо всем, что здесь будет происходить. Я же отправляюсь в Хаджи-Тархан. Это стоит сделать немедленно, пока Урус и Айбек не опередили меня.

Черкес-бек доверял Харун ад-Дину. Это доверие зародилось, и не раз было проверено еще в те времена, когда жив был его отец Мухаммад. Сейчас Черкес-бек стремился овладеть предместьями Хаджи-Тархана, и во многом в этом предприятии он полагался на своего подданного.

Утро началось с того, что Харун ад-Дин пригласил Марпату разделить с ним бассейн с теплой бирюзово-прозрачной водой. Бассейн был сделан в полу одного из залов, стены которого были выложены небесно-лазурной изразцовой плиткой. Эмир называл этот зал голубым. Это было его любимое место отдыха, где, ведя размеренные беседы со своим подданным, он мог часами предаваться плотской неге.

Нет ничего приятнее, чем после пробуждения от ночного сна нежиться в теплой лазурной воде, благоухающей сандалом, когда еще не обретшее дневную уверенность тело пребывает в ленной истоме утреннего пробуждения. Именно в это время Харун ад-Дин любил неспешно размышлять обо всем понемногу. Именно эти часы казались ему наиболее приятными для душевных бесед с Марпатой. Эмир любил устраивать для своего фаворита неожиданные испытания: то бросит в пламя жаркой полемики редкое кыпчакское слово, то вдруг, наслаждаясь замешательством иноземца, заведет разговор о древних обычаях своих предков.

Сегодня Харун ад-Дина не интересовали ни премудрости родной речи, ни жизнь далеких праотцов. Нежась после ночного сна в бассейне своих апартаментов, эмир размышлял о том, что ждет его страну в разбушевавшихся интригах джучидского двора. Здесь в Сарае была видна вся обостренность

кровавой борьбы за трон. Неприкрытая вражда ханов, их внезапные загадочные смерти ослабляли веру в незыблемость Великого Улуса. Кульпа, Навруз, Хидыр, Тимур-Ходжа, Мамай... Кто одержит в этом разгоревшемся булгаке верх?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.